
МАРИЯ
ВЫСОЦКАЯ
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
Она моя
ЗАВИСИМОСТЬ

Мария Высоцкая

Она моя зависимость

https://litres.ru/74791722
SelfPub; 2026

Аннотация

Она была уверена, что сможет спрятаться. Сбежать от человека, который причинил ей так много боли и растоптал её чувства. Предал. Изменил. Человека сделавшего ее своей зависимостью.

Она всего лишь хотела начать жизнь с чистого листа. Жизнь, в которой единственным напоминанием о нём будет его дочь. Но она не учла одного — он всегда привык добиваться своего, даже если для этого придётся её уничтожить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	52
Глава 6	60
Глава 7	74
Глава 8	82
Глава 9	90
Глава 10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Мария Высоцкая
Она моя зависимость

Глава 1

События развиваются той же ночью, которой оканчивается 1 часть: «Он мой кошмар».

Есения

Я сижу на кушетке в кабинете врача. Болтаю ногами. Каблук на одной из туфель держится на соплях. Видимо, не выдержал моего падения.

– Ну что я могу сказать, Есения Альбертовна, – доктор откладывает шариковую ручку в сторону, еще раз внимательно всматриваясь в мое лицо. – С вами все в порядке.

– Спасибо, – натянуто улыбаюсь.

Только я могу грохнуться в обморок от испуга перед тормозящей машиной. Мне грозила смертельная опасность, и, вместо того чтобы бежать, я просто выключилась. Еще пара сантиметров – и водитель иномарки отправил бы меня на тот свет. К счастью, нам с ним повезло. Мне – в том, что осталась жива. Ему – в том, что все же успел затормозить и не задеть меня даже бампером.

– Значит, я могу ехать домой? – завороженно смотрю на

бутылку минералки, что стоит на столе. В горле образуется вязкая слюна, думать о чем-либо еще, кроме воды, я не в состоянии.

– Можете. Но лучше все-таки попросить кого-то из близких за вами приехать.

Доктор ловит мой взгляд и протягивает воду. Перед этим сворачивает крышку. Она прокручивается с легким треском, потому что бутылку еще никто не открывал.

– Ладно. Спасибо, – вцепляюсь в пластик пальцами, жадно присасываясь к горлышку.

То, что мой «ангел смерти» уже успел приплатить этому милому врачу, сомнений нет. За все время, что я нахожусь здесь, мне никто не предложил вызвать полицию, или что там делают, когда почти сбивают человека?

– Медсестра проводит вас на диванчик. Сможете подождать там родных.

– Хорошо, – снимаю туфли и шлепаю по холодному кафелю босиком.

Пока я на ходу продолжаю поглощать жидкость, девушка в белом халате помогает мне присесть и быстро удаляется.

Стоит ей уйти, и ко мне сразу бросается водитель иномарки. У него громкий, взволнованный голос. Хотя каким он может быть, если чувак чуть не отправил меня на тот свет?

Он зудит о каких-то договоренностях, полиции, деньгах, но, честно, я пока не в состоянии принимать какие-либо решения. Я же рассматриваю свои перепачканные в пыли шта-

ны и просто хочу домой. Спать. Мне необходимо вычеркнуть этот день из своей памяти. Забыть то, что видела в комнате Панкратова, хотя, если быть честной, после «встряски» на дороге я не думала про Андрея уже минут двадцать. Но мы прекрасно понимаем, что это временное.

Скоро шок пройдет, и я снова погружусь в свои страдания.

Наверное, я бы могла попытаться выяснить. Зайти в эту чертову комнату, заявить свои права… Но слушать вранье и какие-то нелепые оправдания…

Мне кажется, меня и так выставили дурой по максимуму. Куда уж еще больше?

Взмахиваю рукой, вкладывая в этот жест все свое раздражение.

– Замолчите, пожалуйста, – прошу назойливого водителя, – у меня болит голова.

Мужчина затыкается, а я чуть крепче сжимаю в ладонях телефон с разбитым экраном. Он работает, только дисплей исполосовало уродливой паутинкой трещин.

Снимаю смартфон с блокировки и выключаю «авиарежим», поставила сразу, как пришла в себя, потому что Андрей никак не мог угомониться и все названивал, названивал.

Пока решаю, кому позвонить, телефон снова взрывается мелодией. Теперь она меня жутко раздражает.

Кто это, гадать не приходится.

Выдыхаю и принимаю звонок.

– Я тебя слушаю, – говорю чуть тише. При этом смотрю на мужика, который продолжает сидеть рядом. Он прищуривается, но отходит в сторону.

– Где ты?

– Какая разница?

– Тебя нет дома.

– Ты у меня дома?

– Это первое, куда я поехал.

– Зачем? – скулю, понимая, что мама там, наверное, в истерике. Сначала Катька сломала ключицу, а теперь еще и я пропала.

– Кто тебя просил туда ехать? – я злюсь, именно поэтому кричу.

В трубке повисает пауза, а потом я слышу мамин голос. Она либо вырвала трубку, либо он миролюбиво передал ей телефон.

– Еся, где ты? С тобой все в порядке?

– Мам, я…

Соврать ей не успеваю. Ко мне снова подходит врач и громко интересуется, когда за мной приедут. Для пущей кошмарности ситуации спрашивает, не тошнит ли меня, в сотый раз повторяя, что сотрясения нет, но тошнота может быть прямым последствием шока.

– …кто это? Какое сотрясение, Еся? Что происходит?

– Я…

Видимо, теперь трубку вырывает Андрей.

– Скажи мне, где ты, – он меняет интонацию. Голос становится серьезнее. Он пытается на меня давить. Даже по телефону.

– В приемном покое.

– Я сейчас приеду.

Гудки. Он просто отключается. Звоню маме, но она не берет трубку, Панкратов теперь тоже. Во мне снова плещется паника.

Зачем? Зачем он поперся к нам домой?

Накрываю лицо ладонями и тихонечко в них поскуливаю.

Не знаю, сколько проходит времени, по внутренним ощущениям, совсем немного. Я слышу голос того самого врача, а потом бас Андрея. Водитель, что все еще сидит на лавке неподалеку со стаканчиком кофе в руках, вытягивает шею. У него дергается глаз. Он смотрит на меня в нервном испуге.

– Я вас услышал! – рявкает Панкратов, выворачивая из-за угла. Там как раз находится дверь в кабинет врача, который меня осматривал.

То, что он приехал, наверное, даже в плюс. Потому что прекрасно осознаю – водитель иномарки явно хочет замять это дело. А я понятия не имею, как себя вести в такой ситуации.

Андрей замечает водителя. Тот сразу поднимается на ноги. Они отходят чуть в сторону, о чем-то говорят. Разобрать, о чем, я не могу, голова все-таки немного кружится, и мне приходится отдать все свои силы на то, чтобы не упасть с

диванчика.

– Можешь попрощаться с правами, – единственная фраза, которую я четко слышу. Ее произносит Андрей. – Еся…

Он идет ко мне, даже вытягивает руку, чтобы коснуться плеча, но я подаюсь назад. Не хочу, чтобы он меня трогал.

– Как ты вообще оказалась на том перекрестке?

– Тоже решила навестить старого друга, – вздыхаю, – тебе же можно.

Андрей шумно выдыхает и садится рядом. Нагло сжимает в ладони мою руку, стараясь заглянуть в глаза.

– Я понятия не имею, что ты видела, но могу объяснить абсолютно все.

– Я и не сомневалась.

– Есь…

– Ты с ней обнимался.

– Нет, то есть да. Но нет.

– Ты нормальный вообще? – снова вздыхаю. От его оправданий становится смешно.

– Ты все не так поняла.

– О, ну конечно…

Я злюсь. Раздражение, что копилось во мне весь этот вечер, готово выплеснуться с минуты на минуту.

– Домой я тебя хотя бы могу отвезти? Я твоей маме обещал, что верну тебя…

– Поехали.

Резко поднимаюсь с диванчика и еле успеваю ухватиться

за мягкую спинку. В этот же момент чувствую на себе *его* руки. Хочу взбрыкнуть, вывернуться, но, кажется, мои батарейки сели.

– Ладно, – сквозь зубы, – я не откажусь, если ты мне поможешь…

Вручаю Панкратову свои туфли с отломанным каблуком и, придерживаясь за его предплечье, иду к машине.

В салоне прохладно, возможно, хоть так мои пылающие щеки придут в норму?! Андрей, к счастью, не включает музыку, да и вообще ведет себя максимально тихо.

Вижу на сиденье бутылку воды и, закинув в рот еще одну таблетку, что выписал врач, запиваю ее минералкой.

Замечаю на себе взгляд Андрея и довольно резковато приподымаю бровь в немом «Что?».

– Что за таблетки?

Он вырывает блистер из моих рук, хмурится.

– Может быть, вернешь? – протягиваю ладонь.

– Эти таблетки жрут при сотрясении.

– Ты откуда знаешь? Нет у меня никакого…

Врач! Врач мне ясно сказал, что сотрясения нет и мое состояние – последствие шоке. Что тошнота – это нормально, даже бумажку сунул, где почти в лоб написано – я здорова. Только вот лекарства назначил…

– Мне такие назначали, – он возвращает мне блистер, чуть дольше задерживая свои пальцы на моей коже.

Я чувствую легкие покалывания от его прикосновений.

Волна жалости к себе, к нашим отношениям, которые теперь в прошлом, снова накрывает меня с головой. Хочется всхлипнуть, но я лишь плотнее сжимаю губы. Выглядеть слабой – это так унизительно. Но я разбита. Этот вечер раскрошил меня в пыль.

Андрей подается вперед. Его лицо в паре сантиметров от моего. Я ощущаю его дыхание. Еще немного – и наши губы соприкоснутся. Перед глазами проскальзывает вереница моментов, где нам было хорошо. Где я почти поверила, что он тоже влюблен.

Меня колотит. Я не хочу выглядеть еще более жалкой, поэтому отстраняюсь. Вырываю руку и вжимаюсь спиной в сиденье как можно глубже.

– Всегда знала, что ты слегка того, – парирую и прячу таблетки в карман пиджака.

– К нормальному врачу завтра сходи.

– Разберусь без тебя.

Вся его забота только злит, а еще не лишает повода напомнить, как он подставил меня перед мамой.

– Если бы ты не поперся к моей маме, мне бы не пришлось рассказывать ей про приемный покой, обморок, а теперь, кажется, еще и сотрясение, – подцепляю пальцами ремень безопасности и оттягиваю его в сторону, так, чтобы эта шлейка не впивалась ребром в мое горло.

– Если бы ты не сбежала…

– А… то есть я виновата, да?

Андрей чуть крепче сжимает пальцами руль и ничего не отвечает. Интересно, он так входит в мое полуобморочное положение или ему просто стыдно? У самого-то рыльце еще в каком пушку!

– Конечно, это же так по-мужски – свалить свою вину на девушку, – фыркаю и отворачиваюсь к окну.

Остаток поездки мы проводим в молчании. Панкратов делает вид, будто его вообще не существует, по крайней мере, так кажется мне. А я… я костерю его в своей голове на чем свет стоит. Перемываю каждую косточку, довожу свое сознание до точки кипения, правда, рта при этом не открываю.

Меня дико злит вся разворачивающаяся ситуация, поэтому, как только машина притормаживает у подъезда, я нахожу в себе силы вылезти из салона без помощи Андрея и уйти домой. Точнее, я думаю, что пойду одна.

Но Панкратов, конечно же, прется следом. Пытается взять меня за руку, помочь, но протест во мне настолько велик, что я просто отталкиваю его от себя, вкладывая в этот толчок все оставшиеся силы. Уже на последнем пролете меня слегка ведет, и я едва успеваю ухватиться за перила.

Руки Андрея мгновенно сжимают мои плечи. Он помогает выпрямиться, а еще окончательно лишает возможности от него отделаться. Выдыхаю и, шлепая босыми ступнями по бетонным лестницам, все же добираюсь до двери. Не без помощи, конечно.

Мама встречает меня слезами и раздражающим шепотом.

Она что-то бормочет, пытается жалеть, но все, чего я хочу, – это уйти в свою комнату и лечь спать.

Пожалуйста, пусть уже этот день закончится.

– С ней все в порядке, – встревает Андрей.

Мама быстро переключается на него, начиная допытываться о случившемся. Андрей рассказывает в двух словах о произошедшем. Про нашу ссору умалчивает, а вот мое падение и удар головой осветить не забывает.

Он объясняет ей, что я цела и невредима, но мама снова рыдает. Еще громче.

Зажмуриваюсь и просто иду к себе.

Бросаю телефон на стол, а сама падаю на кровать. Раздеваться нет ни сил, ни желания.

Меня ни для кого нет. Веки тяжелеют, сон приходит так быстро. Я вижу яркие картинки, они сменятся друг за другом до самого звона будильника. Нехотя выползаю из-под пледа и щелкаю кнопку «стоп». Мелодия прекращается, а в кухне слышится тихий гул от телевизора.

Пока иду в душ, снова пью выписанные врачом таблетки. В одном Андрей был прав: мне стоит показаться другому специалисту, потому что состояние просто швах. Еще немного – и мой мозг взорвется.

Пока я моюсь, мама готовит завтрак. От запаха еды меня воротит, и в мой адрес летит робкое материнское предположение о беременности. То, что вчера я приложилась башкой об асфальт, наутро она почему-то в расчет не берет.

– У меня легкое сотрясение, – проясняю и делаю большой глоток теплого чая без сахара. — И вообще, как там Катя?

— Еще вчера ревела от боли, а сегодня, радуется, что теперь на больничном.

— Ну, тоже не плохо.

В девять выхожу из дома. Точнее, сбегаю от гиперопеки в виде постоянных вопросов. Леська подхватывает меня по дороге, беспокойно расспрашивая о прошедшей ночи.

– …как-то так, – заканчиваю свой длинный и максимально эмоциональный монолог. И, честно говоря, мне становится легче. Все же выговориться в сложившейся ситуации – лучшее лекарство.

– Ну она и тварь, – Олеся фырчит и припарковывает машину на стоянке универа. – Я могла что угодно ожидать от его мамаши, но такого… Хотя сыночек недалеко ушел.

– Давай закроем тему, ладно?

Леська кивает и стреляет глазами на вход.

Андрей бросил свою тачку прямо у ступенек, сам же стоит, опершись на капот. Почему-то в том, что ждет меня, не сомневаюсь.

Набираюсь сил и с каменным лицом иду мимо. Не хочу его видеть и слышать нелепые оправдания – тоже.

– Есь, стой, – он хватает меня за руку, и мы с Леськой мгновенно ощетиниваемся.

Глава 2

Подруга бьет его по предплечью, я же тем временем пытаюсь высвободить запястье.

– Панкратов, корявки свои от нее убери!

– Бережная, захлопнись и иди, куда шла.

Олеся сглатывает и еще раз ударяет его по плечу.

Андрей отталкивается от машины и делает шаг в ее сторону. Мою руку при этом не отпускает. Олеся пятится, нервно осматриваясь вокруг себя.

– Лесь, иди, я сама. Правда.

– Я не оставлю тебя с этим психом.

– Олесь, – улыбаюсь, и подруга кивает.

Все время, что Леська поднимается по ступеням, она не отрывает от нас глаз. В какой-то момент спотыкается и просто налетает на Кострова, который не позволяет ей упасть.

Появление Женьки явно отвлекает ее от моих проблем. И это к лучшему.

– Чего ты хочешь, Андрей? – выдыхаю, стараясь выглядеть максимально отстраненной. И неважно, что мне адски больно, перед глазами до сих пор стоит эта омерзительная картинка – он и эта его Ира.

– Еся, давай поговорим. Пожалуйста.

– Я не хочу. Считай, что я тебе верю и мы все забыли. Абсолютно все, и то, что мы вместе – тоже. Устроит?

– Нет.

Он поглаживает мое запястье, и я немного теряюсь. По венам расползается предательское тепло. Я не могу избавиться от этих ощущений. Стою как дура, смотрю на него, впитывая эти чертовы прикосновения. Таю, как мороженое в сорокоградусную жару.

– Пропусти, мне нужно на пары. Я тебя умоляю…

– Тебе нужно к врачу.

Андрей открывает пассажирскую дверь и заталкивает меня в машину. Я не успеваю удержаться на ногах и просто падаю на сиденье. Панкратов щелкает замком ремня безопасности и закидывает мои ноги в салон авто.

Дверной хлопок бьет по нервам. Я на пару секунд прикрываю глаза, ощущая дикую боль в области затылка. А когда возвращаюсь в реальность, чтобы отстегнуть ремень и вылезти наружу, Панкратов уже сидит за рулем.

– Прости, но на учебу ты сегодня не идешь. Я уже предупредил, что тебя не будет.

– Что? Ты не имеешь права! – повышаю голос и сразу хватаюсь за голову.

– Возможно, – он ведет плечом и выжимает педаль газа.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему, – собираю всю волю в кулак и просто на время мирюсь с обстоятельствами.

Демонстративно отворачиваюсь к окну и закрываю глаза. Разговаривать я с ним не буду. Если ему принципиально притащить меня к врачу, то пожалуйста. Я и сама соби-

ралась. Только это его уже не спасет. Я сделала все выводы, которые могла.

Из кабинета врача я выхожу с кучей бумажек. Мне сделали капельницу, осмотрели с ног до головы и даже выписали направление на МРТ. Сделать его нужно через пару недель.

Сотрясение у меня все же присутствует. Поэтому и тошнит.

Бросаю бумажки на диванчик в приемной, а после медленно опускаюсь на него сама. Панкратов сидит рядом. Сбегать от него сейчас – дурость, все равно далеко не выйдет, так что и пытаться не стоит.

– Что сказали?

– Все в пределах нормы. Я не умираю. Дали больничный ненадолго.

– Я отвезу тебя домой?

Мне кажется или его слова прозвучали как вопрос?

Поворачиваю голову, впервые за все это время сталкиваясь с ним взглядами. Нет в его глазах больше этой наглой искорки. Он, кажется, и правда в растерянности. А еще заметила, что он до меня больше не дотрагивается. Ну за исключением финта на пороге универа.

– Нужно поговорить. Ты злишься и не хочешь ничего слушать, я тебя понимаю, Еся, но… дай мне хотя бы объяснить.

– Что объяснить? То, что твоя мать предлагает мне деньги, и то, что ты был там со своей бывшей в расстегнутых

штанах?

– Моя мать предлагала тебе деньги? – он меняется в лице.

– Представь себе. Только не говори, что не ожидал от нее такого. И от этой своей тоже. Поэтому я не хочу тебя слушать. Мне больно и обидно. Слышишь?

– Извини, но ты меня выслушаешь, – теперь он говорит с напором. Снова давит, просто пригвождая взглядом к дивану. Он тоже зол. Тоже на грани.

– Черта с два. Я и так знаю, что ты мне скажешь. Что тебя облили вином, ты пошел застирывать рубашку, а тут Ира. Так внезапно начала к тебе приставать. Голая, наверное, приперлась, правда?

Панкратов смеется в самый неподходящий момент, но я так зла, что бездумно заряжаю ему пощечину. Андрей прикладывает ладонь к слегка покрасневшей щеке, но ничего не говорит.

В другой ситуации мне бы было стыдно. В любой другой момент, но не сейчас.

– Я видела, как ты на нее смотрел! – срываюсь на крик, а предательские слезы обнажают перед ним душу. – Ты даже не оттолкнул… Мог, но…

– Поехали.

Он так резко тянет меня на себя, что я просто теряю равновесие. Валюсь ему на грудь, как тряпичная кукла.

Панкратов снова пользуется заминкой. Просовывает руку под мои колени и поднимает на руки.

– Поставь. Куда ты меня тащишь? Поставь!

– Если не хочешь слушать, посмотришь кино.

От вида Панкратовского особняка меня начинает тошнить еще сильнее. Это даже печально, что за столь короткий срок я успела испытать здесь весь спектр эмоций. От банальной радости до адской боли…

– Пошли.

Андрей открывает дверь машины с моей стороны и подает руку. Как галантно, только вот думать нужно было раньше. До того, как обжимался с бывшей. Игнорирую его жест и демонстративно отворачиваюсь.

– Е-ся, – он выталкивает из себя мое имя по слогам. Злится. Каждой клеточкой это чувствую.

– Не выйду, – качаю головой, сильнее вжимаясь в сиденье.

– Что за детский сад? Я тебя все равно вытащу. Так что выбирай, сама или…

– Ладно, – шиплю на него и соизволяю выйти на улицу. Дверью хлопаю сильно и очень громко. Намеренно демонстрирую свое раздражение.

Андрей молча берет мою ладонь и тянет за собой. Спустя пару минут заталкивает в одну из комнат дома охраны. Это такое небольшое строение вдали от основного дома. Внутри помещение довольно просторное и доверху забитое компьютерной техникой. Чуть позже я понимаю, что сюда стекаются все записи с камер, что понатыканы по особняку.

– Антон, найди запись с моей днюхи. Около десяти вече-

ра, в бассейне.

Парень в черном костюме кивает и тянется к мышке. Пока на мониторе проматываются отрывки прошлого вечера, я поджимаю пальчики на ногах, все еще недоумевая, что мы тут делаем. Андрей тем временем подталкивает меня к столу, за которым сидит этот самый Антон.

– Отсюда?

Охранник смотрит на Панкратова, и тот заглядывает в экран.

– Еще минут на пять вперед перещелкни. Да, здесь.

Видео начинает идти в обычном, неускоренном режиме. Складываю руки на груди, просто умиляясь этой глупой выходке. Неясно, чего он мне хочет доказа…

Обрываю мысль, внимательнее всматриваясь в происходящее на записи.

Сначала в бассейн заходят Панкратов и Бережной. Значит, тут мне Витася не соврал, они действительно виделись незадолго до увиденной мной сцены в спальне.

– Это в тот момент, когда тебе позвонили, – поясняет Андрей, стоя за моей спиной. – Я отошел с Бережным, тогда еще не имея понятия, зачем он тащит меня в бассейн.

На видео Виталик что-то говорит, но я не особо прислушиваюсь. Андрей хмурится, хочет уйти, но в этот момент к ним присоединяется Ира. Она грациозным шагом преодолевает расстояние от входа до парней. Смеется, а потом взъерошивает волосы на голове Бережного. На ее лице красуется

улыбка, которую она адресует Андрею.

Панкратов говорит, что ему нужно идти, делая акцент на том, что оставил меня одну. Ира надувает губы, делает шаг в его сторону, поскальзывается, сейчас мне кажется, что нарочно, и упирается ладонями в мужскую грудь. Бережной подталкивает ее в спину, чем только помогает ей сдвинуть Андрея и упасть вместе с ним в бассейн.

Витася же специально толкнул… то есть…

Вынырнув из воды, Панкратов матерится, и охранник сразу же останавливает запись.

– Это к тому, зачем я вообще пошел в комнату и почему эта дура была там раздетой. На камеры рядом с моей спальней переключай.

Охранник снова молчаливо кивает и тычет по кнопкам.

Андрей прижимает палец к экрану в верхнем правом углу, там написано время.

– А теперь засекай.

Я закусываю нижнюю губу, продолжая смотреть «кино».

На часах десять ноль семь. Андрей быстрым шагом заходит к себе, и буквально через минуту за ним заскакивает Ирка. Еще через две минуты появляюсь я.

Видеть себя со стороны оказывается противно. По крайней мере в том состоянии, в котором я была тем вечером.

Вместо того чтобы зайти в комнату, я трусливо сбегаю. И вуаля – проходит ровно двадцать шесть секунд, как оттуда вылетает эта стервозная блондинка. Причем выбегает она,

придерживаясь ладонями за шею. На ней все та же белая рубашка из гардероба Панкратова. На часах десять часов двенадцать минут.

– Это похоже на измену?

Андрей взмахивает рукой, и охранник сразу же выходит из помещения.

– Давай, ты же так хотела меня в чем-то уличить, Еся… Она пробыла со мной почти пять минут. У нас был вагон времени, чтобы развлечься.

Андрей наступает. Я прилипаю спиной к стене, чувствуя легкое головокружение. Это никак не связано с моим ночным обмороком, вовсе нет. Это от переизбытка чувств. От обрушившегося на плечи понимания. Эта удушающая мое самолюбие правда бьет по нервам отбойным молотком.

Сглатываю и прижимаю ладоши к прохладной стенке.

Андрей нависает надо мной. Его кулак где-то над моей головой.

Он снова загоняет меня в ловушку, лишая права выбора. Все так абсурдно и предельно ясно… Но могу ли я ему верить?

Прочищаю горло и разлепляю губы.

– Возможно, я была не права. Только одно в моей голове до сих пор не укладывается.

– Что именно?

– Почему ты позволил ей себя поцеловать?

Моя бровь ползет вверх. Я наконец-то беру себя в руки. Ни за что, ни за что на свете я больше не буду глупой девчонкой-размазней. Моя претензия вполне логична, а самое главное – по делу. Я не забыла тебе тот танец, Андрюша, и вряд ли когда-то забуду.

– Это не было поцелуем. Поверь, если бы я к ней что-то чувствовал, то закончил бы все, что между нами происходит, еще до этой гребаной ночи. Понимаешь? Я не собираюсь тебя обманывать. Если случится что-то подобное, то я не буду жалеть твою тонкую душевную организацию и скажу прямо.

– Разве я говорила что-то о чувствах? Нет. Спать с кем-то можно и без них.

– Хочется спросить, не из личного ли опыта, – он проводит пальцем по моей щеке, шее, обхватывая горло ладонью. – Но у меня нет такой возможности.

– Жалеешь, что не можешь окунуть меня лицом в помои? – уголки моих губ ползут вверх. Все снова закручивается волчком. Я чувствую, что стою на пороге чего-то нового. Наша игра снова началась. И теперь она явно будет жестче.

– Нет.

– Вот и отлично. Домой отвезешь?

– Ты торопишься?

– Попридержи руки, Андрей. Мне явно нужно все обдумать.

– Ты мне не веришь?

– Еще не знаю. Посмотрим, – пожимаю плечами и убираю

его ладонь от своей шеи. – А вообще, ответь мне на один вопрос. Если бы вся эта ситуация произошла со мной, как бы ты отреагировал? Что бы сделал, видя вот такой «не поцелуй», м?

Глава 3

Андрей.

Ирка притащилась в мою спальню почти сразу, как только я ушел из бассейна. Не успела закрыть дверь, а уже стоит передо мной в одних трусах, переступая через свое мокрое платье. Волосы склеились, макияж слегка потек. Это не сделало из нее уродину. Если не опираться на наше прошлое и то, как мы расстались, то Веселова красивая. Определенно.

Не сказать, что я ее не ждал, просто в какой-то момент в голове промелькнула мысль, что она хоть немного поумнела. Нет!

Ирка по-прежнему осталась собой. Дурная и бестактная.

– Ты так быстро сбежал. Неужели у тебя с ней серьезно?

– Да, серьезно.

– Андрюша, – она цокает языком, мелодично хохочет и набрасывает на голые плечи мою сухую сорочку, что лежала на кровати. – Ни за что не поверю, что она для тебя что-то значит. Прости, – сводит густые брови на переносице, – но я всегда вижу, когда ты врешь.

Ее мелкие шажки окончательно стирают те пару метров расстояния между нами.

– Разве ты не скучал? Я – очень. Милый, – она целует в щеку, вскользь касается губ, оставляя отпечатки алой пома-

ды. – Любимый, еще раз с днем рождения. Я так скучала. Прости, что не вернулась с тобой сюда сразу… Я правда так об этом жалею.

Ее елейный голос раздражает. Она вся меня дико бесит. Когда-то я думал, что люблю ее, а теперь не чувствую ничего кроме отвращения.

Мы встречались почти восемь лет, но сейчас она не больше чем инородный сгусток. Где-то в глубине души я пытаюсь отыскать хоть какое-то, может быть поверхностное, чувство теплоты, но нет.

Меня ни капли не трогает ни ее присутствие, ни ее прикосновения. Ничего.

Ира снова привстает на цыпочки. Стирает помаду тыльной стороной ладони, не забывая улыбнуться.

– Я помню, тебя бесит эта дрянь на губах.

– Какая хорошая память, – обхватываю ее горло. Действую скорее на рефлексах. Терпеть не могу, когда до людей не доходит с первого раза. Ей я объясняю как минимум третий. – Я же по-русски сказал, у меня есть девушка.

– Андрю…

– В твоих интересах это усвоить.

Усиливаю нажим. Ирка начинает кивать, ее зрачки расширяются, а самоуверенность летит в мусорное ведро.

– Еще раз ты вытворишь что-то подобное, – резко отпускаю ее шею, крутанув полуобнаженное тело так, чтобы она прижалась спиной к моей груди, – я оторву тебе башку. Если

ты только подойдешь к Еське, ходи и бойся. Доступно объясняю?

– Да, – она хрипит и отшатывается в сторону. – Я поняла. Поняла! – всхлипывает, стягивая полы рубашки на груди.

– Тогда пошла вон.

Веселова бросает на меня обозленный взгляд и вылетает из комнаты.

Проводив ее глазами, перебираюсь в ванную. Открываю кран и смываю с лица отпечатки помады.

Когда спускаюсь вниз, по одному материнскому взгляду понимаю – что-то не так.

Этот вечер изначально был обречен. Я ждал подвоха сразу, как только мамуля начала обкатывать Еську своей псевдолюбезностью. Буквально за день «до» мы с ней выяснили, что все ее слова останутся только словами и я не собираюсь жить по ее указке. Нравится ей это или нет, меня тоже мало волнует.

Единственное звено, что я не учел, Витасик. Он еще в школе поддерживал все проделки Веселовой, а о том, что фантазия у нее больная, даже и говорить не стоит. Если бы я не тупил и сообразил, зачем он тащит меня в бассейн…

Хотя ясность во всю эту ситуацию, напротив, вносит его сестра.

Бережная выкладывает мне все от и до, параллельно прикладывая не самыми безобидными словесными оборотами. Большое ей спасибо, не за второе, конечно.

Градус напряжения растет. Я осознаю, что вляпался по полной и ехать к Еське с тупым: «Ты все не так поняла» – не прокатит.

Именно поэтому задерживаюсь и допускаю эту чертову аварию. Не зависни я у охраны, проверяя, есть ли записи этого долбаного вечера, Токарева бы не загремела в больничку.

А так косвенно я виновен даже в этом…

К счастью, выглядит она нормально, если не брать в расчет красных от слез глаз. Говорить, конечно, не хочет. И не будет.

Поэтому на следующий день я тащу ее к себе, чтобы показать записи и попытаться убедить, что она действительно все не так поняла. Только ее последний вопрос ставит в тупик.

«Если бы вся эта ситуация произошла со мной, как бы ты отреагировал? Что бы сделал, видя вот такой «не поцелуй», м?»

Уже полминуты кручу ее слова в голове. Что бы я сделал? Убил бы утырка, которого она поцеловала, точно бы убил. А ее… не знаю. Сейчас мне кажется, что забил бы и простил. Но давайте будем честными? Мое самолюбие бы просто не позволило спустить такое на тормозах, нет…

Только вот сейчас сложность в том, что ситуация касается меня самого. Я и есть тот «утырок», который хочет прощения…

Отчасти я понимаю, почему не оттолкнул Веселову. Я хотел убедиться раз и навсегда, что больше ничего к ней не

чувствую. Это тупо и где-то нечестно, только назад не отмотаешь. Последнее, чего бы я хотел, это причинить Есе боль. Нет.

Ловлю ее взгляд, сжимая ее ладонь в своей. Еська хмыкает, явно считывая мои мысли, и отталкивается от стены.

– Вот-вот, – высвобождает руку, и я больше не предпринимаю попыток до нее дотронуться. – Домой отвезешь?

Она заламывает бровь и просто меняется на глазах. Становится смелее, увереннее в себе. Такой она нравится мне больше, хотя кому я вру? Я кайфую от нее независимо от того, что она говорит, делает или как выглядит.

Киваю.

Есения расправляет плечи и выходит из комнаты. На подходе к машине чуть замедляет шаг, как бы позволяя мне открыть дня нее дверь. Плюхнувшись на сиденье, щелкает замком ремня безопасности и смотрит четко перед собой. Она намеренно погружает нас в молчание.

Я не открываю рот, потому что пока не знаю, что ответить, а она… она обижается.

Барабаню пальцами по рулю, притормаживая на светофоре. Бросаю на Еську беглый взгляд в тот самый момент, когда она поворачивает голову.

– Ты знаешь, – ее глаза вспыхивают так ярко, – я, кажется, придумала, как нам разрешить эту ситуацию.

– И? – не спешу трогаться, хотя светофор уже давно зеленый, а машина позади начинает истошно сигналить.

– На выходных пойдем в клуб, – загибает указательный палец, – выберем какого-нибудь парня, – еще один, – и я его поцелую. Нет, – морщит нос, – коснусь губами. Как тебе?

Она прищуривается, но не скрывает улыбки. Потешается.

– Андре-е-е-й? Ты меня слышишь?

Ее ладонь проплывает перед моим лицом, и я чуть сильнее сдавливаю руль.

– По-моему, справедливо, правда?

Есения

– Садитесь, Токарева, до отлично сегодня не дотянули, ведь я прекрасно знаю, что можете вы гораздо лучше. Надеюсь, на следующем семинаре вы исправите свою оплошность.

Ссылаться на свое здоровье ради высшего балла привычки не имею, поэтому просто киваю и двигаюсь в сторону своего места под шебуршание в первых рядах.

Леська, до этого залипающая в инстаграме, вскидывает голову, дожидается, когда я сяду, и хватает меня за руку.

– …ты так ему и сказала?

Бережная продолжает начатую нами тему, пока меня не вызвали отвечать.

– Ну это было единственное, что пришло мне в голову.

– А он?

– А он спросил, серьезно ли я.

– А ты?

– Сказала, что да, – ссутуливаюсь, стараясь спрятаться за впереди сидящим однокурсником. Привлекать лишние внимание Сорокина, нашего препода, занятие опасное. Этот тип может психануть и наградить всех нас письменной работой по проверке знаний материала еще за прошлый год.

– А-а-а, я от тебя тащусь. Так ему и надо! – Леська взмахивает руками. – Пусть помучается. После всего, что сотворила его семейка и он сам, Андрюше просто необходима встряска. Главное, чтоб никого не зашиб, ну так, случайно…

– Да уж. Просто меня дико бесит ситуация, которая между нами складывается. Андрею, получается, можно все, а я должна делать только то, что он одобряет. Это нечестно.

– Значит, в клуб не идем?

– Идем. Целоваться я ни с кем, конечно, не собираюсь, просто хочу дать ему понять, что он вовсе не божество. Мы на равных.

– Да ты жестокая. Решила скинуть Андрюшку с пьедестала?

С усмешкой на губах пожимаю плечами и откидываюсь на спинку кресла, зажимая колпачок, надетый на обратную сторону ручки, зубами.

– Блин, теперь нужно как-то дожить до субботы. Кстати, ты чего вообще сегодня приперлась? У тебя же больничный.

– Не могу сидеть дома, там Катька, которая вечно хочет поболтать, плюс мама с работы каждый час забегает проведать, как мы. Она ж в магазине через дорогу на кассе сидит.

В комнату вещи я еще не перевезла. Поэтому здесь как-то спокойнее.

– А голова?

– Да вроде не болит, – в подтверждение своих слов ощупываю макушку.

– Хотя я бы тоже в нашем дурдоме не осталась. Мама замкнулась в себе, потому что отчим снова жестит. Один Витасик живет в свое удовольствие.

– Вот-вот.

По коридорам прокатывается громкий гул звонка, и мы выходим из аудитории одними из первых.

– Так-с, следующее у нас окно, – Леська смахивает фотку какого-то парня в приложении для знакомств, – смотри, а вот этот красавчик. Да?

– Ну да, ниче такой. Симпатичный.

– Красавчик, ты только посмотри в эти глаза, кристально чистое горное озеро.

Из меня не к месту вылетает смешок, и я получаю тычок локтем в бок. Леська в шутку надувает губы и без сожалений смахивает «красавчика» с глаз долой.

– Может, поедим сходим? – Включаю звук на телефоне. – Все равно полтора часа болтаться.

– Я только за. Куда идем?

– Не знаю. Хочу мороженое, и чтобы просто реки карамели.

– Между прочим, я собиралась садиться на диету. – Бе-

режная вытаскивает из сумки ключи от машины. – Давай только не пешком. Холодно сегодня.

– А вот если бы ходила пешком, могла бы не сидеть на диетах.

– Язва.

– Сама такая, – застегиваю пуговицы на пальто и на выходе из здания пропускаю Олесю вперед.

– Что, правда пешком пойдем?

– Да поехали уже, поехали.

Провожу ладонью по крыше машины. Окрашенный в голубой металл холодит пальцы. Пока Леська гнездуется на сиденье, успевая при этом подправить укладку, включить музыку, подрегулировать руль и совершить еще сто тысяч действий, я замечаю стоящую неподалеку машину Андрея.

О том, что я пошла в универ, он не в курсе. После вчерашней молчаливой поездки до моего дома сегодня утром он поинтересовался, как я себя чувствую, в формате сообщения, и на этом все. Рассказать ему о своих планах как-то совсем не пришлось к слову.

Забираюсь в салон «Корвета», чуть сильнее обычного прикусывая внутреннюю сторону щеки.

Вся эта ситуация, что тянется вот уже вторые сутки, конечно, очень напрягает.

Я верю ему, правда, даже, в принципе, могу понять, почему он не оттолкнул эту Иру. Они встречались восемь лет, это огромный срок. И то, как она вылетела из его комнаты

явно напуганная, говорит вовсе не о любезностях к ней со стороны Панкратова.

Просто переварить все это – сложно. Мне очень хочется отнестись к этому легко, не зацикливаться как-то. Но у меня не получается. Со стороны это может казаться чем-то простым, подумаешь, раз – и все забыла. Но это только со стороны.

Каждый шаг сейчас словно по минному полю. Одна маленькая оплошность, и прогремит взрыв.

А еще, где-то в глубине души, после озвученной правды, просмотра видео с камер, я хотела, чтобы он просто меня обнял. Крепко, без лишних слов. Я хотела почувствовать, что снова не одинока…

– Ты какое мороженое будешь брать? У них тут появилась настоящая углеводная бомба. Смотри, бисквитный десерт с мороженым, сладкой ватой и карамелью.

Леськин вопрос возвращает меня в реальность. За столик открывшегося недавно по какой-то франшизе кафе.

Озвучивать ей свои переживания я больше не хочу. Хватит распускать сопли. Собралась и пошла дальше, Еся!

– Я буду вот это, с черникой.

– М-м-м, а я тогда с манго. Прощай, диета.

– Приходи к нам на танцы, давно тебя зову, вообще-то.

– Ага, чтобы все окончательно убедились, какое я бревно? Нет уж, спасибо. Да и видеть Кострова, который тусит у вас

на тренировках, мне вообще не в кайф.

– Кстати, что у вас с ним?

– Ничего. Мне кажется, я наконец-то остыла. Сама посуди, вот зачем он мне?

В ответ я только улыбаюсь.

Леся первая меняет тему. Мы болтаем, съедаем по огромному десерту и возвращаемся в универ.

– …и вот, значит, мы переписываемся, переписываемся, а потом он присылает мне свои фотки в женском белье с вопросом: «Ну как, тебя заводит?». Причем бельишко было настолько откровенным, что дик-пики просто отдыхают.

Мы выходим из машины под общий хохот. Приложения знакомств и некоторые лица мужского пола, что там обитают, достойны отдельного котла в аду. Извращенцы. К сожалению, нужно напороться на тысячу сумасшедших, прежде чем найти кого-то нормального.

Виталик хлопает по капоту машины сестры, что-то спрашивает, нарываясь на Леськин вопль.

Откидываю волосы за плечи и прирастаю к асфальту.

– Ты че…

Олеся, что материализовалась рядом со мной, так и остается стоять с открытым ртом. Мы обе наблюдаем за тем, как Веселова спускается по ступенькам главного корпуса универа с сумочкой, болтающейся на согнутом локте.

– Что она тут делает? – Бережная толкает брата в плечо.

– Перевелась из Москвы, – Виталик ухмыляется, наблю-

дая за покачивающимися женскими бедрами.

– Зачем?

– А я откуда знаю?!

Они переговариваются о чем-то еще, но я не особо вслушиваюсь. Наблюдаю за тем, как Ира снимает машину с сигнализации, кидает сумку на пассажирское сиденье. Поправляет меховой воротник куртки, а когда замечает меня, подмигивает. Ее губы мгновенно расползаются в ядовитой ухмылке. Типа: «Снова здравствуй, моя дорогая. Я поставила себе цель – увести у тебя мужика».

Улыбаюсь в ответ, демонстративно закатывая глаза. Нет уж, милая, это моя территория, обломишься.

– Ну она и коза, – шипит Леся, а Виталик вот при этом хмурится. Значит, наш вездесущий мальчик пускает слюни по бывшей Андрея. Какие интересные новости.

– Просто не обращай внимания, Олесь.

Сколько бы эта девка ни пыталась, я больше ни за что не попадусь на ее уловки.

Глава 4

Открываю глаза посреди ночи. Меня словно подталкивают встать с кровати, что я, собственно, и делаю. Опускаю ноги на мягкий прикроватный коврик, находясь в туманной полудреме.

Шлепаю босиком на кухню, где наполняю кружку прохладной водой из фильтра. Делаю пару жадных глотков, устроившись у подоконника, и замираю. Капли медленно скатываются по подбородку. Несколько раз хлопаю глазами, видя у подъезда машину Андрея, и отнимаю кружку от лица.

Я почти не дышу, просто наблюдаю. Машина стоит с потушенными фарами еще минуты две, а потом уезжает, оставляя за собой чувство пустоты.

Бегу в комнату и хватаю телефон. Может быть, он мне писал, но я спала и не услышала?

Снимаю смартфон с блокировки и сажусь на кровать. Быстро «пробегаю» по всем приложениям со встроенным мессенджером и разочарованно откидываюсь на подушку.

Не писал.

Честно говоря, мне казалось, что в последнее время градус напряжения начал спадать. Я прямо чувствовала, как пальцы, которые крепко держали меня за горло все это время, медленно ослабляли хватку. Но, кажется, обманывалась.

Андрей помог мне переехать, на чем, собственно, и все.

Нет, конечно, мы общаемся. Часто переписываемся. Но наше общение все равно выглядит как-то скомканно, что ли… Между нами тысячи недоговоренностей, которые только предстоит решить. Все слова и фразы витают где-то вокруг. Мы говорим о погоде, учебе, какой-то вообще мало кому интересной ерунде, но только не о нас. Это угнетает.

С одной стороны, это даже правильно – вот такая передышка. Она была нам нужна, все изначально развивалось слишком стремительно. Но и затягивание с подобными отдалениями чревато последствиями.

Проходят сутки с момента его ночного визита под мои окна. С тех пор, Андрей больше не пишет. На мои звонки и сообщения не отвечает. Его телефон постоянно выключен. Это пугает и наталкивает на такие мысли, что лучше бы отключить свои мозги вовсе.

В пятницу появляюсь в стенах универа, и, конечно, по насмешке судьбы, первая, кого там встречаю, – Веселова. Она действительно перевелась из Москвы. Леся мне все уши об этом за неделю прожужжала.

Блондинка стоит в компании парней-старшекурсников и хохочет. Она жеманничает, кокетничает и словно невзначай касается то одного, то другого молодого человека пальцами.

Прохожу мимо, громко здороваясь с мальчиками, я тоже их знаю. Получив в ответ четыре приветствия, внутренне улыбаюсь и спешу к кофейному автомату за капучино. Две первые пары из двух поставленных сегодня в расписание ку-

кую одна, Леська решила «заболеть» и остаться дома. Коза.

За пару минут до большого обеденного перерыва обосновываюсь на подоконнике рядом с аудиторией, в которой у Андрея вот-вот закончится занятие. Специально посмотрела их расписание на сайте. От Бережной прилетает пара сообщений насчет вечера, и, пока я думаю, что ответить, группа Панкратова обильным потоком выливается в коридор.

– Привет, – прячу телефон в сумку и, взмахнув рукой, делаю шаг в сторону Женьки, потому что Андрея не вижу.

– А где…

– Его сегодня не было. И вчера тоже.

– Понятно. Извини.

– Подожди, – Женька параллельно отвечает кому-то из парней, что с ними не пойдет, и возвращает внимание ко мне.

– Зачем? – мои зрачки немного расширяются, а телефон снова пиликает. Очередное сообщение от Бережной. Игнорирую ее настойчивость и немного краснею. Ловлю себя на мысли, что момент сейчас странный.

– Нужно поговорить. Во-первых, я хотел извиниться, за все. А во-вторых…

– Все нормально, – я намеренно его перебиваю, не хочу никаких откровений. Нет.

Между нами повисает неловкое молчание.

Костров предлагает пообедать, но я отказываюсь.

Мы спускаемся на первый этаж, выходим из корпуса.

Женька все это время плетется следом, а может, идет по своим делам и нам просто в одну сторону. Я смотрю себе под ноги, размышляю о том, что могло произойти и куда пропал Панкратов.

Почему-то в такие моменты думаешь всегда о плохом, изощренно подкидываешь себе яркие картинки с чем-то максимально ужасным.

В какой-то момент Женька резко тянет меня на себя. Не сразу соображаю, что происходит, но, когда отрываю глаза от асфальта, залитого кофе, вижу перед собой лицо Веселовой.

Она поджимает губы, взмахивает пустым стаканчиком и начинает наигранно извиняться.

Шлю ее на три буквы, причем так, что слышит половина студентов, которые ошиваются на улице, и иду дальше. Позади слышу смех Кострова и предложение отвезти меня домой.

Отказываюсь и топаю на маршрутку. Квартира, которую я теперь снимаю, находится от учебы в шести остановках, а раньше мне нужно было проехать только две.

Забегаю домой на полчаса, чтобы переодеться и поесть. Сменив джинсы на юбку, еду на работу.

Часов в шесть, когда уже собираюсь уходить, мне настойчиво звонит Олеся.

Не хочу ни с кем говорить, поэтому просто игнорирую надрывающиеся динамики телефона. Бешусь и переключаю на вибрацию. Но Бережная не успокаивается. На смартфон

падают сообщения, одно за другим.

«Ответь. Возьми, блин, трубку, у меня такие новости!»

«Еся, это важно!»

«Андрей, кажется, в больнице».

Перечитываю строчку за строчкой, и пальцы леденеют. Я даже ответить не могу. Сижу без сил. Каждое движение дается с трудом.

Подношу телефон к уху, предварительно нажав на «вызов» Леськиного контакта.

– Наконец-то! – раздается в трубке. – Мама сегодня сказала, что у Панкратовых очередные «подарки» от детей. Короче…

Олеся рассказывает, что Андрей подрался в каком-то клубе, как раз в ту ночь, когда я видела его машину под своими окнами. Вроде он сам нарвался и по итогу оказался в больнице. Панкратовы рвут и мечут. Я слушаю ее не перебивая. Вникаю в каждую деталь, ощущая волнообразные потоки паники.

– Где он сейчас?

– Не поняла толком, но Витасик сказал, что рожа у него разбита прям ваще, и…

– Я поняла, – облизываю губы, стараясь как можно быстрее собраться с мыслями. – Спасибо, что сказала. Теперь понятно, почему он мне не отвечает.

– Да? Может, мне к тебе приехать?

– Нет, не надо.

Леська еще немного пытается меня взбодрить, а потом кладет трубку.

Как мне с ним связаться, я просто не представляю. Если только в больницу позвонить, вдруг мне повезет и они дадут хоть какую-то информацию. Набираю номер, предварительно отыскав его в интернете, и буквально за минуту выясняю, что такого человека к ним не поступало. Ну еще бы.

По дороге домой, сидя в автобусе, просматриваю соцсети, Панкратов не был онлайн больше суток. Страх внутри меня нарастает.

Замечаю горящий зеленым кружочек рядом с аватаркой его брата и решаю, что в этом нет ничего ужасного, если я напишу ему. Спрошу…

Долго формулирую свою мысль, а когда отправляю сообщение, Славик уже «не в сети».

– Блин! – фырчу от своей же нерасторопности.

Ужин готовлю почти со слезами на глазах. Да и вообще, кому он сейчас нужен? Рис подгорает на сковороде, и я просто выбрасываю эту слипшуюся массу в мусорное ведро. С каждой секундой, накручиваю себя все больше. Куда он влез, а главное зачем? Мне так страшно, что весь этот выплеск агресси был из-за меня...

Сажусь на табуретку и, закрыв лицо руками, начинаю громко плакать.

Моя соседка реагирует на шум и заглядывает в кухню.

– У тебя все хорошо?

– Да, – вытираю слезы, – просто немного перенервничала.

Оля садится напротив, упираясь локтями в стол. За эти дни, что мы живем вместе, я успела рассказать про себя все что можно, а вот она так и осталась загадкой.

– Не реви, все будет нормально. Есть хочешь? Я еще утром мясо запекла.

– Нет, спасибо. Кусок в горло не лезет.

– Ладно, успокаивайся.

Олька поднимается со стула, заглядывает в холодильник и достает оттуда бутылку йогурта.

– Это не к тебе? – кивает на окно.

– Что?

Подрываюсь с места и вижу въехавшую в наш двор машину Андрея.

Напяливаю ботинки и, уже сбегая по ступенькам, надеваю куртку.

На улице мое учащенное дыхание превращается в пар. Запахиваю расстегнутую куртку и быстрым шагом иду к машине. Андрей только припарковался.

Без приглашения заныриваю в салон в страхе увидеть его побитое лицо…

Поворачиваю голову и выдыхаю. Леська так меня напугала, но все не так ужасно. Да, у него разбита губа, ссадина на скуле, но глобально все не выглядит ужасным месивом.

– Что произошло? Я звонила. Откуда это? - касаюсь его лица, - Андрей, – я тараторю, часто дышу и путаюсь в словах.

Когда замечаю его улыбку, невольно злюсь.

– Почему ты не перезвонил? Я целый день…

Панкратов обхватывает мои щеки ладонями, и я резко замолкаю.

– Я не помню твой номер, – говорит спокойно. – Телефон сперли.

– Как сперли? Я ничего не понимаю.

Качаю головой, стараясь перестать реагировать на все как на конец света.

Андрей заключает мою руку в свои ладони, ведет большим пальцем по тыльной стороне, при этом смотрит он мне в глаза. Я розовею еще сильнее, стараясь не улыбаться как дурочка. Но, думаю, выходит у меня так себе.

В своей голове я делаю шажочек, окончательно минуя то эмоциональное расстояние, что нас разделяло.

Упираюсь носом в его шею, тяну запах и прикрываю глаза. Еще немного, и они точно заслезятся.

– Почему ты не поднялся? – всхлипываю и льну к нему. – Зачем приезжал ночью? Я уже все простила, я не обижаюсь.

Прикусываю нижнюю губу и покрываюсь мурашками от его прикосновений к моей шее. Все надуманные обиды растворяются. Я сама признаюсь ему в этом вслух. Мне становится глубоко все равно, что было между нами до. Сколько недоговоренностей. Плевать.

Пусть все будет заново, без оглядки на прошлое.

– Поехали ко мне, все расскажу.

– Мне нужно взять вещи, – веду рукой в сторону подъезда.

– Хорошо.

Как только мы выходим из машины, Андрей прижимает меня к двери, а потом целует.

Я погружаюсь в него полностью. Отвечаю на требовательные движения языка, сжимая в пальцах ворот его пальто до белеющих костяшек.

Воздуха катастрофически не хватает.

Андрей

Пять дней какого-то бреда.

Пишу, звоню. Мы вроде и говорим, а вроде и нет. Между нами больше ничего общего.

Атмосфера накаляется, мой дурной характер лезет наружу. Ему не нравится все, что происходит, он привык к немного другому формату. Я привык.

Не совсем соображаю, как сажусь в тачку, но прекрасно понимаю, что мною движет. Адское желание. Собственные капризы и какая-то больная тоска. Ненормальное и никогда не испытываемое до этого чувство. Мне мерещится ее запах, смех… Кажется, если ее сегодня не увижу, сдохну.

Так я оказываюсь под окнами ее квартиры.

Крепко сжимаю руль. В башке вакханалия. Хочу к ней, ее хочу. С самого первого дня. С самого первого взгляда. Не знаю, любовь ли это, но она явно засела где-то глубоко

внутри. Без нее паршиво. Настолько, словно грудную клетку очередями расстреливают из автомата.

Весь этот скандал и затянувшаяся обида сидят поперек глотки. Я все чего-то выжидаю, даю ей время и теряю его сам. Злюсь, беру себя в руки – и снова по кругу.

Помешался на ней и, наверное, впервые в жизни не хочу давить. Своим предложением в машине она уела меня полностью. Просто с ноги завалила на лопатки.

Смотрю на темные окна и понимаю, что если сейчас не уеду, то сделаю только хуже. Последствия могут быть необратимы.

Выжимаю педаль газа в пол. Стараюсь затеряться в клубной толпе и грохочущей музыке. Встречаю пару-тройку старых знакомых. Прочищаю свои мозги самым действенным способом, в очередной раз наваливаясь на барную стойку и подзывая бармена.

Перед глазами картинки. Ее бездонные глаза, а на губах улыбка с оттенком разочарования.

Становится стыдно и неуютно. Снова.

Сколько бы ни пытался отделаться от этих мыслей, не получается. Уже сотни тысяч раз переложил эту ситуацию на себя. Понял, нет, даже осознал, что устроил бы полнейшее безумие.

«Завтра пойдем в клуб. Выберем какого-нибудь парня, вместе, и я его поцелую».

Ее слова подстегивают.

Я думаю об этом не потому, что верю, что она это сделает. Нет. Просто я мысленно раздираю этого бедолагу на куски. Ничего еще не произошло, но я успел дойти до точки кипения. Разгон как на самой мощной тачке, сотка за три секунды.

Хочется выплеснуть из себя это дерьмо. Может быть, стоит поехать к ней?

Идея провальная. Не уверен, что справлюсь с лавиной эмоций, которые на меня обрушатся. Не видел ее чуть больше суток, а уже кроет не по-детски.

Из клуба выхожу в каком-то бреду, где-то на грани между сном и явью. Обернувшись, понимаю, что это, кажется, третья забегаловка за ночь.

Выбирал я их, видимо, по принципу: чем ближе рассвет, тем хуже заведение. Этот так вообще клоповник.

Упираюсь ладонями в крышу «Мустанга».

Сбоку летят вопросы в стиле: «Дай закурить».

Ловлю себя на мысли, что все время, что был здесь, ждал чего-то подобного. Все то дерьмо, что во мне скопилось, искало выход. Так вот он.

Посылаю «просящих» и прикрываю глаза.

Все идет по обычному в таких ситуациях сценарию. Толчок, удар. Отбиваюсь, кажется, даже ломаю кому-то нос, но как итог все равно оказываюсь лежащим на асфальте.

Башка раскалывается, левую руку вообще не чувствую. Переворачиваюсь на спину и смотрю в хмурое, едва побелев-

шее рассветное небо. Улыбаюсь. Становится как-то легче.

Сплевываю кровь, но ее вкус все равно застревает на вкусовых рецепторах.

Как попадаю домой, помню урывками. Зеленый глаз светофора, брошенная у ворот тачка, охрана…

Открываю глаза только к обеду и сразу вижу над собой взволнованное материнское лицо. Она всхлипывает, что-то тараторит. Не сразу соображаю, что та самая охрана, которую я помню мельком, утащила меня в больничку. Хотя не в таком ужасном состоянии я и был. До дома же доехал, кажется…

Шарю взглядом по тумбочке.

– А где мой телефон?

– Не было, – мама поджимает губы. – Как ты?

– Нормально. Дай сво…

Хочу протянуть ладонь, но обрываю себя. Еськин номер я не помню. Нет вообще привычки запоминать эти цифры. Я и свой с первого раза правильно не назову.

– Что? Телефон? – она тянется к сумочке.

– Нет, не нужно. Когда домой?

– Врачи еще тебя до конца не обследовали.

Серьезно? Это просто драка. Хотя чуть позже я понимаю причину такого принудительного лечения. Отец подумал, что это угрозы в его адрес. Заехал в больничку только к ночи, орал так, что стены дрожали.

Он-то был уверен, что его недоброжелатели начали дей-

ствовать, а не то, что я сцепился с какими-то гопниками на окраине города.

– Идиот!

Он повторил это раз десять, не меньше. После нашей эмоциональной беседы меня пинком под зад вытурили из больнички домой.

Вечером Славик показал мне Еськино сообщение. Она спрашивала, все ли со мной в порядке и где я вообще. Из-за всех этих разборок мысли о ней отошли на второй план. На секунды почувствовал себя тем, кем был четыре года назад, когда хотел свалить отсюда в Москву. В тот период мои вседозволенность и желание вывести родителей на эмоции зашкаливали. Я не старался привлечь к себе внимание. Просто иногда хотелось, чтобы они помнили о моем существовании. В Москве отношение к подобным вещам кардинально изменилось. Поэтому сейчас, после произошедшего у того захудалого клуба, я чувствую себя паршиво.

Последнее, чего я хотел, это привлечь к этому делу родителей.

Беру с полки ключи от тачки и спускаюсь во двор. Отец не жестил, как в старые добрые, поэтому меня спокойно выпустили из дома.

Пока ехал к Еське, прокручивал в голове, что ей скажу. Как-то же придется объяснить свою разбитую морду.

Она выбежала во двор сразу, я даже мотор заглушить не

успел.

Взволнованная, розовощекая. Красивая. Моя.

Хочется ее обнять, да просто дотронуться. Вроде пара каких-то дней, но такое чувство, что вечность ее не видел. Не слышал ласковый голос, не чувствовал будоражащий запах волос…

Она что-то говорит, говорит, но я почти не вслушиваюсь, только крепче прижимаю к себе, целую. Лишаюсь остатков разума, что пытался сохранить все это время.

Неосознанно заползаю ладонями под ее куртку. На улице холодно. Ветер продувает до костей, но, когда она рядом, вот так близко, что я могу к ней прикасаться, никакого холода не чувствуешь. Просто поедаешь глазами пухлые, чуть раскрасневшиеся губы.

– Я все.

Она отдает мне небольшую сумку и прячется в салон. На ней все еще расстегнутая куртка. Ветер подхватывает рыжие пряди, самовольно наводя на ее голове беспорядок.

Весь путь до своей квартиры не могу оторвать взгляда от Есении. Приходится делать усилие, чтобы следить за дорогой.

В лифте переплетаю наши пальцы. Хожу по грани, потому что в моей голове сейчас только черное и белое. Только два варианта развития событий. Каждый вздох и жест я воспринимаю по-своему, опошляю. Стараюсь держать себя в рамках.

Открываю дверь и пропускаю ее вперед. Свет в прихожей не горит. Я намеренно не щелкнул выключателем. Дверь за спиной громко хлопнула. Сработал автоматический замок.

Еся вздрогнула, сам видел, как в полумраке слегка приподнялись ее плечи.

Делаю шаг, плотно прижимаясь к ее спине. Расстегиваю молнию на светлой женской куртке, аккуратно тяну рукава вниз. Еська запрокидывает голову на мое плечо, немного выгибаясь в спине.

Целую словно подставленную именно для этого шею. Балдея от тихого всхлипа. Но сила, с которой ее ногти впиваются в мою руку, отрезвляет.

– Ты хотела поговорить, – напоминаю просто для того, чтобы взять передышку. Предохранители садятся. Дело идет исключительно на секунды.

Я очень хочу убедиться, что наше желание обоюдно. Что это не происки моего воображения и завтра она ни о чем не пожалеет.

Еся отрицательно мотает головой и, крутанувшись юлой, оказывается со мной лицом к лицу. Привстает на цыпочки, касаясь моих губ своими.

– Обними меня, крепко-крепко, – шепчет, прижимаясь все сильнее. – Я так хотела, чтобы ты меня обнял.

Сгребаю свою девочку в охапку и, приподняв над полом, тащу в спальню.

Ну вот и все, кажется, приехали.

Глава 5

– Андрей, там стена.

До кровати добираемся на ощупь.

Наверное, для Еськиного внутреннего комфорта верным решением будет не включать свет и здесь, но я так хочу ее видеть.

Упираюсь спиной в прикроватную спинку и вытягиваю руку вверх, чтобы зажечь ночник. Тонкая полоска желтого света рассеивается по комнате, открывая взгляду ее удивленные карие глаза и немного растрепанную копну рыжих волос, с которых я в ту же секунду стягиваю резинку.

Еся облизывает губы, смотрит смущенно. Ее напряжение можно считать невооруженным взглядом, а уж о том, что я чувствую его под своими ладонями, и говорить не нужно.

Окончательно высвобождаю ее из куртки и бросаю ту на пол.

Усадить Есю на себя верхом было отличной идеей. Она пропитывается мнимым чувством свободы, абсолютно не подозревая, что уже давно в ловушке. Хотя с этим можно поспорить…

Подцепляю локон волос, накручивая его на пальцы.

У нее красные, горячие щеки и такое громкое, отрывистое дыхание.

– Моя хорошая, – целую ее за ушком и слышу звонкий

смешок.

– Щекотно.

Еся улыбается, по собственной инициативе снимает с себя свитер. На ней ярко-красный, полупрозрачный кружевной топ. Залипаю на этой картинке, рассматривая все до мельчайших деталей. Кайфую от предоставленного мне визуала и тяну ее на себя.

Получается резковато и немного грубо. Но мозги плывут под гнетом обстоятельств и силы желания.

Припечатываю ее губы мелкими поцелуями. Хочу, чтобы расслабилась. Чтобы не держала спину так, словно к ней привязали лом.

– Я никогда не хотел тебя обидеть, – шепчу, прижимая ее к матрацу. Теперь уже открыто беру инициативу в свои руки, наваливаясь сверху. – Прости меня, – снова целую, словно боюсь услышать отрицательный ответ.

Разбитую губу жжет. Но это мелочь по сравнению с тем, насколько сильно меня обуревают эмоции.

Грудная клетка вот-вот проломится от сердечных ударов.

– Я знаю.

Она выгибается чуть сильнее. Провоцирует.

Хочется зацеловать ее до смерти. Всю. Попробовать на вкус каждый миллиметр тела. Что я, в принципе, и делаю.

Трогаю ее. Обнимаю. Прижимаю к себе в страхе, что она способна испариться. На самом деле за эти дни я часто ловил себя на этом ощущении. Мне все время казалось, что вот-вот

случится наша последняя встреча, после которой уже ничего нельзя будет изменить. Еси просто больше не будет в моей жизни. Она уйдет и не захочет вернуться…

– Я очень скучала, – ее ладони упираются в мои плечи. – Хотела тебя увидеть. Но мне было так страшно сделать первый шаг. Очень страшно.

Обуревающие меня эмоции стихают.

Чувствую себя полнейшим идиотом, потому что впервые в жизни испугался быть чуть настойчивее. Сделать этот чертов первый шаг.

– Иди ко мне.

Я как-то говорил, что мы похожи? Так вот это чистая правда. Еська – прямое отражение меня самого. Стоит немного расшевелить, надавить на нужные точки, и вот оно – от нее пахнет диким желанием. Еська быстро соображает, подстраивается. Где-то даже проявляет инициативу. Она не строит их себя совсем уж невинную и шугающуюся каждого движения девочку.

Рыжие волосы рассыпались по одеялу.

Смотрю в ее потемневшие и слегка затуманившиеся глаза. Отмечаю каждую черточку на красивом лице.

Она дрожит, так беззащитно. Трепетно. Женственно.

Время замедляет ход.

Еся касается моего лица. Мягкие подушечки пальцев обводят кожу вокруг ссадин, а в уголках прекрасных глаз собирается влага.

– Зачем ты подрался?

– Так вышло, – неловко пожимаю плечами и стираю с ее лица слезы. Склоняюсь ближе, чтобы поцеловать.

Снова обнимаю. Уже сообразил, что она млеет от прикосновений. Девочка – чистый кинестетик. И мне еще сильнее хочется ее заобнимать.

Еська отвечает на каждое мое прикосновение. Реагирует довольно остро, отзывается. С губ срываются тихие вздохи. Они застревают в моей голове, доводя до точки.

– Ты готова?

Спрашиваю, потому что мне хватило прошлого раза, когда мы оба чуть не попали в ловушку, которую навертело ее разбитое домашними проблемами сознание.

Сейчас большим «но» может стать наша ссора или ее переживания.

– Да, – ее губы подергиваются в милой улыбке.

Она расслаблена и напряжена одновременно.

– Не бойся, – переплетаю наши пальцы и завожу ее руку за голову.

Есения.

Я знала, зачем сюда еду. Знала это, когда села к нему в машину. Знала, когда мы поднимались в лифте.

В голове было так много мыслей, а сейчас пустота. Она такая вязкая, сводящая с ума. Мой разум давно затуманило

плотной дымкой от прикосновений и тихого шепота.

Я слышу его слова, он называет меня малышкой. Улыбаюсь. Чуть сильнее впиваясь в мужские плечи пальцами.

Сегодня все иначе. Я готова, и я этого хочу. Без оглядки назад. Без подгоняемого домыслами желания.

Нет, сейчас это мой выбор. Мой мужчина и наша ночь.

Первая и далеко не последняя.

В нос ударяет запах аптечки. Звук рвущейся фольги смущает, но я никак не выдаю этого. Все только в моей голове.

Страх, желание, трепет, любовь – настоящий коктейль чувств, которые поглощают меня одно за другим.

Острое желание новых ощущений с одним-единственным, конкретным человеком. Моим человеком. Что бы ни происходило до, оно никак не отменяет того факта, что я влюбилась в него. Окончательно и бесповоротно. Когда сердечный ритм учащается лишь от осознания, что он рядом. Он со мной.

Он говорит, что любит. Я слышу это так отчетливо и просто взмываю к небу. Хочется пищать от восторга, но вместо этого я лишь облизываю губы, стараясь выровнять дыхание.

Мышцы живота экстренно напрягаются. С губ срывается шипение. Глаза не слезятся, но пронзающая тело боль портит мою идеальную, выстроенную в голове картинку.

Как и любая девочка, я все же представляла себе все иначе. И дело не в романтике, дело в физике. Мне казалось, что это будет, эм-м-м-м, не так чувствительно.

Распахиваю глаза, точно зная, что встречусь с Андреем взглядами. Я держусь за него, как за спасательный круг, прежде чем свалиться в бездну. Эмоции зашкаливают. Все мое тело становится сплошным оголенным проводом.

***

«Я люблю тебя!»

Открываю глаза.

За окном ночь. Ощупываю свое тело, чтобы осознать, что это не сон. В голове застряло его признание. Может быть, стоило признаться в ответ?

А если это случайно слетевшая с губ фраза? Если он сказал это лишь под дурманом близости?

Тру свои щеки, пытаясь выбросить весь это бред из головы. Когда у тебя с детства беда с доверием, любую информацию ты искажаешь просто до неузнаваемости. Везде ищешь подвох и скрытый смысл.

Сколько сейчас времени, я не имею понятия. Но все наши намерения о разговорах разбились о скалы реальности.

В какой-то момент я просто вырубилась под тихий голос Андрея, зная и наслаждаясь тем, что он меня крепко обнимает. И ведь в тот момент в моей голове не было всех этих ужасных мыслей, так откуда они теперь?

Поворачиваю голову, прислушиваясь к глубокому мужскому дыханию, и выскальзываю из комнаты. Губы заостряются в довольной улыбке, стоит представить Андрея без

одежды.

Аккуратно, стараясь не шуметь, закрываюсь в ванной. Поочередно поворачиваю вентили с горячей и холодной водой. Переступив через бортик, оказываюсь под теплыми струями. Выдавливаю из баночки гель для душа, размалывая его в пену между ладошками. Приятный запах мандарина и амбры заполняет все пространство душа.

Подставляю лицо под мощный распылитель, смывая капли давно впитавшегося соленого пота, и не перестаю улыбаться.

Закрыв глаза, вспоминаю произошедшее до мельчайших деталей. Прилив щемящей нежности и желания снова залезть к Андрею под одеяло щекочет нервишки.

Вместо того чтобы быть правильной девочкой и наконец-то расставить все точки над «i», я провожу пальцами по предплечью и словно до сих пор чувствую поцелуи Андрея на своей коже.

Прилипаю спиной к холодному кафелю и медленно сползаю вниз. Оседаю на корточки, обнимая себя руками.

Голова ломится от мыслей. Их слишком много. Что дальше? Все, что между нами произошло, заслуживает статуса серьезных отношений?

Будь у меня адекватная модель семьи и выстраивания взаимоотношений в ней, я бы непременно знала ответ, а так мною руководит лишь страх ошибиться.

Почему-то хочется сбежать. Скрыться, чтобы не испытать

в дальнейшем душевной боли.

Что, если для него это ничего не значит? Что, если все это было его развлечением с самой нашей первой встречи?

Упираюсь пальцами в лоб и жалобно всхлипываю. Все мое приподнятое настроение летит в мусорную корзину.

Не знаю, сколько я тут сижу, но холодок, что облизывает мою влажную кожу, сигнализирует о том, что дверь в ванную открыта.

Вскидываю взгляд.

– Есь, – Андрей замер в дверном проеме. Он офигевает от происходящего. Еще бы, застать девчонку, с которой только что переспал, в своей ванной, обливающуюся слезами, тот еще треш.

Подбираюсь, стараясь максимально прикрыться руками, забывая о том, что он и так там все уже видел.

– Ты жалеешь?

Андрей садится на бортик ванны и выключает воду. Тянется рукой к полке, на которой лежит стопка полотенец, и, подцепив одно, наклоняется ко мне.

– Нет, – выпрямляюсь, закутавшись в махровую ткань, – я просто тоже тебя люблю, – закусываю нижнюю губу. – Очень.

Глава 6

– И поэтому ты плачешь? – у него серьезное лицо, но во взгляде столько тепла и понимания. Ну или же я просто хочу так думать, воображаю себе то, чего нет.

– Нет, – упираюсь коленом ему в ногу, – знаешь… я не такая, какой ты меня видишь. Я не сильная и не смелая. Я трусиха, и мне проще притворяться…

– Это ты к чему?

– Я не уверена, что смогу справиться с давлением твоей семьи и кознями Веселовой. Она же перевелась сюда не просто так. Я боюсь, что в конечном итоге тебе не поверю. Испугаюсь и сбегу. Потому что закрываться в себе, игнорируя проблемы…

– Я тебя понял.

Андрей подает мне руку, помогая переступить через бортик ванны, а когда мои ступни касаются мягкого коврика, спрашивает:

– Кофе будешь?

– Буду, – пожимаю плечами, сожалея о том, что не договорила.

Я и правда не уверена, что справлюсь. Я привыкла бежать от проблем, прятаться в своей ракушке и делать вид, что ничего не случилось. Так проще, так можно избежать боли.

И наверное, будь у меня чуть больше смелости, я бы сбе-

жала прямо в эту минуту.

Это, наверное, с детства, когда ты слышишь, как в соседней комнате ругаются родители, бьется посуда, а ты сидишь за стеной с закрытыми глазами и представляешь, что этого вовсе нет.

Вот и сейчас мне будет проще вычеркнуть Андрея из своей жизни, представить, что между нами ничего и никогда не было. Представить, что все это лишь сон.

Помучаться, но избежать того ада, который способна устроить его семья. Ведь то, что это непременно случится, неоспоримый факт. Его мать не позволит нам жить спокойно. Ни за что. Еще и Веселова…

Да, я боюсь трудностей и боли. Боюсь быть преданной, брошенной. Я много чего боюсь. Моя напускная самоуверенность на то и напускная. Любые чувства выбивают из колеи, они способны разрушить твою и так по крупицам склеенную личность на раз-два.

Только что бывает с разбитой вазой? Правильно, ее выбрасывают.

Андрей так неожиданно ставит передо мной чашку кофе, что я вздрагиваю. Поднимаю взгляд, но быстро утыкаюсь в кружащуюся по периметру кружки молочную пену.

Поправляю заправленный край полотенца, которым я обмоталась, и откидываю еще влажные волосы за спину.

– Спасибо, – бормочу, хватаясь за ручку пальцами. – Только не подумай, что я…

– Тебя действительно так парит ситуация с моими родителями?

Панкратов садится напротив, обхватывает мои ладони, прижимая их к теплой поверхности белой керамики.

– Я просто не хочу быть яблоком раздора.

– Ты и не будешь. Я уже взрослый мальчик и давно сам принимаю решения. Моей матери это никак не касается.

– А твой отец?

– Поверь, ему точно нет до всего этого дела.

– Андрей, – вздыхаю, возвращая себе одну ладонь, – мы разные. Очень-очень разные.

– Это же хорошо?

На его губах появляется улыбка, а моя неуверенность нехотя отходит на второй план.

– Наверное, – пожимаю плечами. – Прости, я не хотела портить вечер.

– Ну, мы же собирались поговорить.

Его бровь нагло ползет вверх с жирным намеком, что наши разговоры были беспощадно прерваны страстью еще до моих гнусавых откровений.

– Давай договоримся, что не будем молчать. Если тебя что-то не устраивает, если ты чего-то боишься, не уверена, то всегда можешь поделиться со мной.

Андрей снова перехватывает мои пальцы, переплетая их со своими, внимательно рассматривает мои слегка дрожащие руки.

– Знаешь, что я понял за эти дни? – его голос ласкает слух. Он бодрый и вселяющий надежду.

– Что?

– Без тебя хреново.

Сглатываю образовавшийся в горле ком, стараясь как можно более бесшумно перевести дыхание. От прикосновений покалывает кожу, а внутри образуется сгусток невообразимого трепета.

– Это признание в любви?

Андрей встает со стула и, обогнув стол, присаживается на корточки между моих ног.

– Нет, – качает головой. – Я могу быть собой, когда ты рядом. Потому что я действительно люблю тебя.

Он зарывается пальцами в волосы у моего виска, и я льну к его ладони щекой. Все это кажется таким правильным.

– А вот это было оно, – он снова улыбается, чуть крепче сжимая мою руку. – Вслух это звучит хуже, чем в моей голове.

Кухню сотрясает его смех, а я прикусываю губу. На душе становится так легко. В животе появляются те самые бабочки, что не дают спать ночью, лишают аппетита и постоянно сбивают с мыслей.

Упираюсь рукой в спинку стула и медленно соскальзываю на пол, соприкасаясь коленями с паркетом.

– Я научусь тебе доверять, правда.

Веду кончиком носа по его шее, чувствуя, как пульсирует

артерия.

– Я знаю.

Андрей так крепко прижимает меня к себе, что на какие-то секунды я даже лишаюсь воздуха. Не могу нормально вдохнуть. Зажмуриваюсь, впитывая аромат его парфюма, вонзаясь ногтями в плечи.

Мне с ним хорошо. Спокойно. Зачем я вечно ищу подвох? Почему не могу просто поверить в то, что у нас все хорошо? Что я действительно ему дорога? Он доказал это уже не один раз. Так, невзначай. Но, если человеку на тебя плевать, разве он будет сутками пытаться доказать свою невиновность, срываться к тебе посреди ночи, защищать?

Вряд ли. Если человеку все равно, он едва найдет время сказать тебе «привет».

Разгибаю руки в локтях, немного отстраняясь. Я хочу заглянуть ему в глаза, а когда это происходит, выпаливаю одно-единственное слово:

– Люблю.

Мое признание соскальзывает с губ повторно, но так поспешно и коряво… Прячу взгляд, мельком замечая полуулыбку на губах Андрея.

Меня окутывает щемящее сердце тепло, а еще я впервые за долгое время чувствую себя защищенной.

***

– Ой, Еся, какая светлая комната, – мама в очередной раз смотрит в окно, чуть-чуть отодвинув занавеску. – Ты у меня

такая молодец.

– Мама, – закатываю глаза, потягивая через трубочку магазинный молочный коктейль. – Как там Катька?

– Все хорошо, правда, на больничном ей теперь долго сидеть.

– Может, чаю попьем?

– Давай. А в квартире еще кто-то есть?

– Ну, вообще, соседка, да. Но она на выходные к родителям уехала.

Выбрасываю картонную коробку в мусорное ведро, туда же летит и пластиковая трубочка.

– Ясно.

– Ты черный будешь или зеленый?

– Черный.

– Окей.

На кухне лезу в навесной шкафчик рядом с плитой и достаю пачку чая. Раскидываю пакетики-пирамидки по кружкам, мельком наблюдая за мамой. Она впервые ко мне заехала, несмотря на то, что живу здесь уже месяц.

– Я там пирожные купила.

Мама взмахивает руками и спешит в прихожую. Я слышу шуршание пакетов, а когда поворачиваю голову, прозрачная пластиковая коробка с пирожными уже красуется на столе.

Быстро разливаю кипяток по чашкам и усаживаюсь на стул.

– А вообще, девчонки по тебя скучают. Мы все скучаем.

Я слышу в ее голосе тоску, но стараюсь не принимать это близко к сердцу. Домой я не вернусь, хотя знаю, что мама будет уговаривать. Апеллировать тем, что жить дома – сплошная экономия. Не нужно отдавать деньги раз в месяц чужой тетке, к примеру.

Но собственное спокойствие мне дороже любых денег.

– В конце концов, дети всегда съезжают, – пожимаю плечами, откусывая заварное.

– Просто не думала, что это случится так быстро. Сначала Алина, теперь вот ты. Ладно, что я все о грустном?! Ты лучше расскажи, как у вас с Андреем?

– Все просто замечательно, – широко улыбаюсь, скорее занимая рот еще одной порцией пирожного.

Нет, на самом деле у нас действительно все отлично. Мы притираемся, ищем компромиссы…

Я учусь ему доверять. Правда-правда. Хотя дается мне это с трудом.

Андрей хороший, в этом я не ошиблась.

Просто все это затишье пугает меня до чертиков. За последний месяц к нам никто не лез, под «никто» я, конечно, имею в виду его мать и Веселову.

– Ну и хорошо. Я за тебя очень рада.

– Я и сама за себя рада, – смеюсь, – только, знаешь…

– Что? – мама мгновенно напрягается, и я быстро накрываю ее руку своей ладонью. Как бы объясняя, что она зря волнуется.

– Ничего плохого. Просто я так боюсь обжечься.

– А есть предпосылки?

– Я не нравлюсь его родителям.

Мама закатывает глаза, издавая то ли вздох, то ли шипение. Мне кажется, что она вот-вот скажет что-то вроде: «А я о чем говорила?!». Но нет, мама проводит указательным пальцем по ручке чайной ложечки и поднимает голову так, чтобы смотреть мне в глаза.

– Вы молодые еще. Конечно, всякое может случиться, но ты, главное, не загадывай наперед. Пусть все идет своим чередом, доченька. Спокойно, размеренно. А там будет видно, что к чему. Не в каменном же веке живем.

– Наверное, ты права, – покачиваю ногой под столом, постоянно бросая беглые взгляды на телефон.

Андрей должен позвонить. Приезжают его друзья. Поэтому на эти выходные у нас обширная культурная программа в загородном отеле.

– Еська, а может, ну ее, эту затею? Вернулась бы домой…

Ну вот, я же говорила. А то все ходим вокруг да около.

– Нет, мам, я уже приняла решение.

– Упрямая ты, кошмар просто. Ладно, но знай, если что, мы всегда тебя ждем и всегда поддержим.

– Знаю.

Мама широко улыбается и переводит разговор на абсолютно нейтральную тему. Рассказывает про работу, нового директора, очередное замечание в дневнике Лены, спраши-

вает про мою учебу.

Мы мило беседуем еще около часа.

Закрываю входную дверь на замок и перебираюсь в комнату. Уже оттуда наблюдаю за тем, как мама топает к остановке, не забывая при этом повернуться и помахать мне рукой на прощание.

Отвечаю ей тем же и отвлекаюсь на телефонный звонок. Андрей просит быть готовой к шести, а я прошу его взять с собой Леську. Я, конечно, понимаю, что мы едем на встречу с его друзьями и все такое, но мне очень нужен там свой человек помимо него самого.

Панкратов не дает внятного ответа, только раза три напоминает, что приедет к шести, и кладет трубку.

Ладно, осматриваю себя в зеркале с ног до головы и спешу к шкафу. И что можно надеть на встречу с друзьями твоего молодого человека в загородном спа-отеле?

Придирчиво осматриваю свой гардероб, останавливая выбор на джинсах и свободной белой рубашке. Правда, когда Андрей появляется в квартире, я успеваю пять раз пожалеть о своем выборе, замечая светлый пиджак под его пальто.

Целую в губы и быстренько ретируюсь обратно в спальню со словами:

– Я сейчас.

Наспех переодеваюсь в платье. Джинсы пакую в сумку, так, на всякий случай.

– Бережная сама приедет.

– Отлично, – улыбаюсь, подтягивая колготки, которые успели собраться гармошкой на ляжках. Пожалуй, пора начать активнее заниматься спортом. – Я готова.

Забираю с тумбочки телефон и выхожу в прихожую. Панкратов стоит у двери, подпирая плечом стену, и копается в смартфоне.

Немного запахиваю вырез своего черного платья и надеваю пальто, которое подает мне Андрей.

– Ты чего такая дерганая? – он спрашивает это уже в машине.

– С чего ты взял? Со мной все отлично, – веду плечом, чувствуя, как Андрей сжимает мою руку.

Ладно, я, конечно, немного вру. Волнение действительно есть. Я не боюсь не понравиться его друзьям. В конце концов, это их личное дело. Я просто не люблю новые знакомства. Все эти рассказы о себе, поиск каких-то тем для разговоров…

– Мы уже подъезжаем.

Андрей отвечает на телефонный звонок, а я медленно выплываю из своих мыслей. Смотрю за окно, замечая желтый свет фонарей и виднеющуюся огражденную территорию. Машина плавно заезжает за ворота.

Молодой человек в синем костюме, спешит к нам, выпаливая запыхавшееся приветствие:

– Андрей Владимирович, здравствуйте.

Панкратов кивает и открывает мне дверь. Придерживает под локоть, чтобы я не упала на слегка обледенелой дорожке. Ноябрь в этом году с каждым днем все больше спешит приблизить нас к зиме, то снег пойдет, то морозы ударят.

Андрей отдает пареньку в костюме ключи от машины, и распоряжается поднять наши вещи.

– Ваш номер триста седьмой, – портье, скорее всего, этот молодой человек именно он, вручает Андрею ключ-карту и садится за руль автомобиля. — Чемодан вам принесут.

Осматриваюсь. Тяну носом запах хвои. Чистота воздуха кружит голову, а виски и макушку начинает тихонечко покалывать.

Масштабы комплекса, конечно, поражают. Вообще, это место считается эко-отелем. Природа, чистый воздух, лес, озеро…

В интерьере много дерева, все оттенки теплые, располагающие к расслаблению и пассивному отдыху.

– Леська говорила, что тут очень хорошее спа.

– Без понятия.

– Ты тут первый раз?

– Нет. Просто до спа дело никогда не доходило.

Андрей ухмыляется и пропускает меня вперед. В холле нас сразу встречает миниатюрная девушка. Что написано на ее бейдже, я прочитать не успеваю. Андрей подталкивает к лифту, нажимая кнопку третьего этажа.

Еще на пути в номер я снимаю пальто, а когда оказываюсь

в нашем люксе, с интересом осматриваю комнаты. Не знаю, как это выглядит со стороны, но притворяться и делать вид, что меня не впечатлило – глупо. Я ни разу не была в подобных местах и тем более не жила с таким уровнем комфорта.

– Там пацаны подъехали, я спущусь минут на десять, ладно? – Андрей стискивает мои плечи и целует в макушку. – В восемь спустимся в ресторан, поужинаем.

– Хорошо.

Андрей выходит из номера, а я присаживаюсь на краешек огромной кровати. Упираюсь ладонями в матрац позади себя, после и вовсе заваливаюсь на спину. Долго рассматриваю потолок, чувствуя прилив легкости. Кстати, плюсик мне за то, что надела платье. Идти в ресторан в джинсах не самая хорошая идея.

Перекатываюсь на бок и, встав с кровати, зависаю у зеркала. Быстро поправляю укладку, подкрашиваю губы и пишу Леське, спрашивая, где она.

Провожу ладонями по бедрам, разглаживая несуществующие помятости на подоле. В который раз обвожу взглядом просторную комнату и присаживаюсь в кресло напротив зеркала.

Вообще, Андрей старается не таскать меня по дорогим местам нашего города и никогда не касается темы денег. Эта наша первая вот такая вылазка.

На самом деле изначально я очень боялась того, что деньги будут играть большую роль в наших отношениях. Вряд

ли кому-то захочется постоянно чувствовать себя не в своей тарелке, так вот и мне нет.

– Есь!

Вздрагиваю от неожиданного оклика и выглядываю из спальни.

Андрей бросает телефон на круглый столик в центре гостиной и садится на диван. Шлепаю босыми ногами по полу и опускаюсь на его колени.

Устраиваю ладони на мужских плечах, получая поцелуй в губы.

Андрей скользит рукой по моему бедру, собирая подол платья в гармошку.

– Мы опоздаем на ужин, – шепчу, хотя аргумент для Панкратова явно так себе.

– Без нас не начнут.

Он смеется, задирая мое платье до талии.

– Помнется, – бормочу, просто млея от поцелуев в шею.

– Я аккуратно.

Его бархатистый голос окутывает мое сознание, лишая всякого сопротивления. Поочередно приподнимаю ноги, стаскивая с себя колготки, и почти сразу оказываюсь прижатой лопатками к дивану.

***

– Я же говорила, что все растреплется, – в сотый раз приглаживаю волосы, хотя мы уже едем в лифте. В номере я проделала это действие больше десятка раз, но мне все равно

кажется, что на голове у меня гнездо.

Андрей перехватывает мою руку и отводит ее в сторону.

– Все у тебя нормально, – он кладет ладони на мою талию, – иди сюда, я тебя поцелую.

– Помада…

– Плевать.

Андрей притягивает меня к себе еще ближе, а двери лифта неожиданно распахиваются.

– На нас смотрят, – шепчу, делая шаг на выход из кабинки.

– Пусть завидуют.

Панкратов снова меня целует, и быстро стирает отпечатки моей помады со своих губ.

Мы выходим в холл, заворачиваем к ресторану, крепко держась за руки. Как только заходим внутрь, по выкрикам: «Андрюха!» – становится понятно, что это его друзья.

Улыбаюсь, выдыхаю и делаю шаг навстречу новым знакомствам.

Андрей отодвигает для меня стул, и я поворачиваю голову, чтобы сказать ему спасибо. Только так и остаюсь стоять с открытым ртом, потому что замечаю белеющую макушку Веселовой. Она сидит за столиком у окна, почти на другом конце зала. Машинально сминаю салфетку в кулак, а когда осознаю, что Андрей у меня что-то спрашивает, глупо улыбаюсь и наконец-то присаживаюсь на стул.

Глава 7

– Все нормально?

Андрей повторяет свой вопрос, а я могу только молча кивнуть. Улыбнуться и плотнее прижаться пятой точкой к стулу. Вечер обещает быть богатым на события.

Снова поворачиваю голову в сторону столика, за которым видела Веселову, но либо меня приглючило, либо она так быстро ушла… Но то, что сейчас стол пуст – факт.

Андрей представляет меня друзьям, они завязывают беседу, много шутят, смеются, вспоминают какие-то курьезы из более ранней юности.

Я же только улыбаюсь и внимательно слушаю. Стараюсь сосредоточить все свое внимание на этих разговорах и не вспоминать о Веселовой.

Сидящий напротив Максим, одноклассник Андрея, с интересом смотрит на мой бокал, наполненный апельсиновым соком. Подмигнув, предлагает вина, но я отказываюсь.

Честно говоря, с алкоголем у меня отношения натянутые. Я его не воспринимаю. Скорее, даже ненавижу. Насмотрелась последствий, так сказать. Все детство отец дышал на нас пьяным перегаром.

– О, это Бережная там, что ли? – Рома, друг детства Андрея, а по совместительству сын владельца отеля, в котором мы все сейчас находимся, кивает на вход в ресторан.

Оборачиваюсь, замечая Леську, и губы сами складываются в непроизвольную улыбочку.

Бережная пересекает зал и, подтащив стул от соседнего пустующего столика, усаживается рядом со мной. То, что она знает присутствующих здесь людей, не удивляет. Как минимум все они жили по соседству.

– Где братца потеряла? – встревает Ярик.

– И тебе привет, Царев, – Леська подзывает официанта и просит бокал вина.

То, что с ним Бережная ведет себя непринужденно, моментально бросается в глаза.

Ярослав широко улыбается ей в ответ и поправляет свою длинную челку, небрежно откинутую назад.

– Мы с ним встречались, – громко поясняет Леся, но обращается ко мне. – Ну ты видишь, да, что он тот еще дурачок?

Леська закатывает глаза, Ярик ухмыляется и перекидывает все свое внимание на девушку, с которой пришел Жданов.

За столом не повисает неловкого молчания. Эта перепалка никак не отражается на всеобщем веселье.

– Ты не рассказывала, – говорю так, чтобы кроме Леси меня никто не слышал.

– Это была ошибка, – подружка пригубляет бокал, а потом с тоской добавляет: – Точно ошибка.

Поджимаю губы. Леськина реакция меня слегка удивляет. По крайней мере, говорит она так, словно эта фраза – чье-

то внушение.

Андрей закидывает руку на спинку стула, на котором я сижу, потирая пальцами мое оголенное предплечье.

Провожу ладонью по его ноге и, можно сказать, забираюсь ему под бок, как нахохленный цыпленок. К счастью, наши стулья стоят максимально близко, и я без проблем могу к нему притиснуться.

– …ну и короче, – Рома делает мхатовскую паузу, – отметилили нас с Андрюхой в том райончике на раз-два. Так что, если будет выпендриваться, – обращается уже ко мне, – знай, главное – просто взять арматуру покрепче.

Панкратов закатывает глаза, а его губы дергаются в ухмылке.

– Так, ну что, ребятки, – вклинивается Максим, тот, что предлагал мне выпить, – думаю пора переместиться к бассейну.

Леська пулей вылетает из-за стола, я даже не успеваю сообразить, что произошло. Вряд ли на нее так повлияло предложение покинуть ресторан.

Задумчиво смотрю на Царева, который пялится ей вслед с легким прищуром.

– Я ее догоню, – тихонечко говорю Андрею, – и поднимусь переодеться заодно.

Панкратов чуть сильнее сжимает мою руку и целует в губы.

Божечки, это выражение чувств прилюдно меня все еще

пугает.

Отодвигаю стул и направляюсь на выход. У зоны лифтов встречаю Лесю. Она стоит прижавшись спиной к стене, вся красная как помидор.

– Ты чего?

– Все нормально.

– Ле-е-е-есь…

– Если бы я знала, что он тоже приедет, никогда бы сюда не пришла. Прости-прости, что порчу тебе вечер, – она всхлипывает и практически повисает на моей шее.

– Все, тихо. Не плачь, все хорошо.

– Ничего не хорошо, – она качает головой. – Ненавижу его.

– Что произошло? Расскажешь?

Леська кивает, и мы быстро поднимаемся в номер.

Достаю из чемодана купальник и сажусь рядом с подругой на диван.

– В общем, Царев – сын областного прокурора. Ну ты знаешь, что мой отчим далек от закона. Наши родители, можно сказать, враги. Я не знаю, как так получилось, просто мне было шестнадцать, я везде таскалась за Витасей, а он тусил с ними. Царевым, Панкратовым, Ждановым, Костров среди них позже появился.

– Ну пока ничего криминального…

– Я не знаю, как так вышло, но мне так понравился Ярик, а у него девки, а еще он старше. Короче, бред сущий. А потом,

на мое восемнадцатилетие, мы переспали. У меня же день рождения весной, это еще до универа было. Типа встречаться начали, три месяца. Целых три месяца…

– А дальше?

– Он просто свалил в Москву. Взял и уехал. Ничего не объяснил. Кинул меня. Отчим меня чуть не убил, когда узнал что я была с Яриком, потому что…

Договорить она не успевает, срывается на громкий плач.

Шумно выдыхаю и прижимаю Лесю к своей груди.

– Я думала, что тебе Костров нравится.

– Он мне и нравился, кажется. Точнее, я просто так хотела забыть Ярика, что решила, что влюбилась в Женьку. Дура. Боже, какая я дура. Ну вот зачем приехала?

Дверь в номер открывается, и Леся вздрагивает.

Андрей скользит по нам взглядом, и я робко пожимаю плечами.

– Чего с ней?

– Все хорошо.

Леська вытирает слезы и быстро ретируется к себе под предлогом, что ей тоже нужно переодеться.

– И что это было?

Андрей расстегивает молнию на моем платье, и, когда оно падает к ногам, я аккуратно переступаю через черную ткань.

– Любовь.

– Она из-за Царева, что ли?

– Да ты проницательный, – смеюсь и получаю шлепок по

заду.

– Это купальник? – Андрей поддевает мое бикини, что лежит на столе, указательным пальцем.

– Да.

– Тогда сразу иди голой. Не будет столько поводов для полета фантазии.

– Андрей!

– Шучу.

– У тебя веселые друзья.

– Обхохочешься. Ты готова?

– Вроде да, – поправляю лямочку на кислотно-оранжевом топе. – Халат сейчас накину только.

У бассейна я сразу замечаю отсутствие Царева и Леси. Короче, все ясно.

Усаживаюсь на край, опуская ноги в воду, и делаю глоток холодного малинового лимонада.

В какой-то момент алкоголя вокруг становится больше, а шутки – пошлее. Закатываю глаза и ныряю в воду. Проплываю круг, а когда хочу вылезти, на мое плечо ложится рука.

Поворачиваюсь и не сразу вспоминаю имя девушки, оказавшейся рядом. Анжелика, кажется…

– Привет, – она широко улыбается. – Анж, – тянет ладонь для рукопожатия. Отвечаю на ее жест, хотя в бассейне это выглядит комично.

– Еся.

– Ты такая красотка, просто вау. Я, кстати, модель.

– Здорово.

– Слушай, тебе просто необходимо попробовать себя в съемках. У тебя типаж – огонь.

– Не думаю, что это мое, – пожимаю плечами и вылезаю на сушу.

– А зря…

Анжела выжимает волосы, скрутив их трубочкой, и подсаживается на мой шезлонг.

– А ты правда с Андреем встречаешься? – косится на Пакратова, который что-то бурно обсуждает со Ждановым.

– Ну да.

Я вижу, как загораются ее глаза.

– То есть вы вот прям встречаетесь-встречаетесь? Серьезно, да?

– Да.

– Класс. Быстренько рассказывай, как ты его захомутала, делись секретом. А то мы с Ромочкой только тра… Ну, ты поняла, в общем.

– Да никак, познакомились, начали встречаться.

Подробности наших перепалок я умалчиваю, но суть от этого не меняется.

– Везет же, я второй год в их компании периодически бываю, и ничего, – она разводит руками, а я даже не знаю, что на это ответить.

– Есь…

Голос Андрея отвлекает от Анжелы, и я поднимаюсь на

ноги.

– Пошли поплаваем.

– Пойдем.

– Дыхание задержи.

Андрей приподнимает меня над полом и, оттолкнувшись ногами от мокрого и уже довольно скользкого покрытия, погружает нас под воду.

Мы синхронно выныриваем из бассейна, и, как только мои глаза начинают видеть, а уши слышать, в помещении появляется Веселова под ручку с Бережным.

– Всем привет. Сказали, бассейн закрыт на ВИП-обслуживание, но мы вроде как все знакомы. Мы с Витаськой присоединимся, не против?

Глава 8

То, что никто не выказывает протеста и мое настроение портится, неоспоримый факт. Сразу хочется уйти.

Что я, в принципе: и делаю, предлагаю Андрею подняться в номер. Слушать Иркин треп и дурацкие намеки нет ни сил, ни желания. В итоге все это может вылиться в скандал, который совершенно никому не нужен.

Андрей пожимает парням руки, а я наклоняюсь к шезлонгу, чтобы забрать свой халат. Спиной чувствую, что за мной кто-то стоит.

Хочу выпрямиться, но по лицу быстрыми струйками начинает стекать липкая жидкость, воняющая алкоголем.

– Прости, я оступилась и случайно…

Ирка стоит с пустым бокалом в руке, изо всех сил изображая сожаление. Эта идиотка вылила мне на голову какую-то дрянь.

– Ты совсем ненормальная?

– Я же сказала, что не специально.

– Правда? – я повышаю голос, мгновенно приковывая к нам внимание.

Андрей делает несколько быстрых шагов в мою сторону, Веселова прищуривается и как бы невзначай выставляет ногу. Ее подножка становится последней каплей, я запинаюсь, успеваю удержать равновесие и, не думая ни о чем, толкаю

ее в сторону бассейна.

Нельзя сказать, что эта драка, скорее потасовка с дикими визгами. Андрей оттаскивает меня, но я успеваю столкнуть эту ненормальную в бассейн.

– Сумасшедшая! – Веселова выныривает из воды со слезами на глазах. – Она мне волосы выдрала. По тебе психушка плачет. Дегенератка.

Разжимаю кулак, только сейчас понимая, что в моей руке и правда клок ее белобрысых волос.

Кусаю губы до дикой боли, чтобы успокоиться, но это не помогает. Меня колотит.

Андрей позволяет мои ступням соприкоснуться с полом и набрасывает на плечи белый халат.

– Пошли в номер.

У него такой голос, что мне становится страшно. Он злится на меня? Только я не виновата. Она же первая…

Андрей бросает взгляд на потрепанную Ирку, а после – на Жданова.

– Рома, выкинь эту дуру отсюда, – это последнее, что он говорит, прежде чем уйти.

В лифте нас окутывает молчанием. Я смотрю в одну точку, расковыривая свой новенький маникюр. Андрей же просто запрокинул голову, упершись затылком в стену. Хотя при этом крепко прижимает меня к своей груди.

В номере я сразу иду в душ. Встаю под ледяные струи воды и начинаю громко рыдать. Закусываю запястье, чтобы

мой вой не разносился по всем комнатам, и закрываю глаза.

Несколько раз промываю волосы с шампунем, стараясь вывести мерзкий запах спирта и малины. Намазываю кончики бальзамом и, ополоснувшись еще раз, заворачиваюсь в полотенце.

Когда выхожу из ванной комнаты, понимаю, что в номере пусто. Я здесь одна.

Андрей возвращается минут через пятнадцать, когда я уже успела залезть под одеяло и выключить свет. Его руки обхватывают мою талию, и он тянет меня на себя. Вздрагиваю, стараясь повернуться к нему лицом. В комнате темно, и я его не вижу. Так, какие-то очертания.

– Я не хотела, – шепчу, чувствуя, как его пальцы зарываются в мои влажные волосы, которые я слегка подсушила феном.

– Ты думаешь, что я на тебя злюсь?

Его голос кажется таким громким и даже инородным. За эти полчаса я окончательно сроднилась с тишиной.

– Не знаю.

– Нет. Мне просто было нужно время, чтобы не убить эту пришибленную и разобраться во всем без последствий для Ромы. Это их отель.

– А отец Иры – судья, я помню. Извини, что так вышло. Я не подумала, что могут быть проблемы такого рода…

– Как ты?

Андрей гладит мою голову, а потом целует в лоб. Это вы-

зывает улыбку.

– Нормально. Волосы отмыла, поэтому без последствий.

– Извини меня.

– Иди ко мне.

Андрей еще теснее прижимает меня к себе и припечатывает губы горячим поцелуем. Мое тело покрывается мурашками. Дрожь и какой-то неведомый холод опустошения, что преследовали меня последние полчаса, исчезают.

Зажмуриваюсь, пытаясь выкинуть из головы все, что там присутствует. Я не хочу думать ни о ком, кроме Андрея. Щеки начинают пылать.

Невыносимо жарко.

Поцелуи становятся откровеннее, а объятия – крепче.

***

Не знаю, что в итоге произошло тем вечером, но после этого Веселова даже в универе старалась обходить меня стороной на расстоянии нескольких метров.

Страшно представить, что ей сказал Андрей, или сделал… Последняя мысль, кстати, немного пугает.

– Есь, ты вечером чего делаешь?

Олеся подсаживается за столик, пытаясь перекричать гул, что стоит в столовой.

– Не знаю. А есть предложения?

– Приезжай ко мне. Киношку посмотрим, поболтаем. Как в старые добрые.

– Конечно. Давно хотела начать смотреть вот этот сериал,

– быстро ищу в телефоне скрин и протягиваю Лесе.

– Класс. Я тоже про него думала. Значит, заказываю пиццу?

– Заказывай, – киваю и, улыбнувшись, делаю глоток чая.

– Отлично. Кстати, ты заметила?

– Что именно?

– Ирка зашуганная такая ходит. А после нашего феерического отдыха прошло уже больше недели.

– Давай мы об этом не будем.

– Ладно, – Олеся пожимает плечами, – просто Царев сказал, что скандал был мощный. Там вроде до ее отца даже дошло.

– В смысле?

Я напрягаюсь, а мое сердце моментально уходит в пятки.

– У нее папашка не жадный, но строгий. Они для нее хоть луну достать готовы, но, если косячит, попадает ей по полной.

– Но как это связано с той ночью?

– Я обещала молчать, и, если что, так и было. Короче, она там устроила скандал, Жданов ее из отеля выпер. Она папаше нажаловалась и, соответственно, все разборки на совершенно другой уровень перекинула. Ну типа, ее отец – судья, а они так с его доченькой. Веселов попер на Жданова, Ромкиного отца, а тот намекнул, что изначально вся заварушка из-за Андрея была. Иркин папаша – судья и как бы личность независимая, но все они из одной кормушки под мэрским

крылом кормятся.

– Я не понимаю…

– Веселовы уже давно хотят с Панкратовыми породниться. Ты думаешь, Ирка просто так вернулась? Да они ее откровенно под Андрюху подложить хотят. По-нормальному ведь отношений не вышло, эта дура все испортила. Царев сказал, что она в Москве гульнула пару раз, Андрей узнал… И все, финиш.

Олеся придвигает кружку с моим чаем к себе и делает несколько жадных глотков.

– Вот. А во всей вашей «лесной» заварушке Андрей прямо пацанам сказал, в случае чего все стрелки на него переводить. Ну и вроде как с отцом из-за этого поцапался.

– То есть из-за меня, правильно?

Вздыхаю и прикрываю глаза. Когда я лезла выдирать Ирке волосы, я даже предположить не могла, что все может так обернуться. Бизнес, деньги, влиятельные отцы… Боже!

– Но, самое главное здесь, что дядь Володя, ну, Андрея отец, встал на сторону сына, несмотря на то, что сам его чуть не прибил. Иркин папа заткнулся, а ее так пропесочил, что она теперь к Андрюхе на пушечный выстрел не подходит. Типа семью опозорила, сиди теперь обтекай. Это мне уже Витася рассказал. Он же за ней таскается везде.

– И давно ты об этом знаешь?

– Ну, – Леся смотрит на часы, – часов шесть. Ярик с утра рассказал, а Витася – по дороге в универ.

– Ярик с утра? – мои брови ползут вверх не без удивления.

– Это не то, о чем ты подумала. Мы просто столкнулись на пробежке.

– И с чего ты вдруг начала бегать?

– Решила худеть.

Леська краснеет и отворачивается.

Хотя у меня и у самой уши горят от услышанного. Андрей поссорился из-за меня с отцом. Веселова устроила вакханалию из разборок, а взрослые мужчины начали меряться причиндалами в порыве доказать, кто статуснее.

После пар жду Андрея. Минуты три стою на улице, а когда он выходит, первое, что выпаливаю, это:

– Почему ты не сказал?

Андрей немного хмурится и, поддев под локоть, ведет меня к машине.

Накидываю на себя ремень и с беспокойством в глазах снова устремляю взгляд на Панкратова.

– О чем не сказал?

– О конфликте.

– Бережная?

– Она, – сдаю Леську с потрохами, – только не нужно ее отчитывать. Я сама у нее все выпытала.

– Останешься сегодня у меня?

Андрей переводит тему, переплетая наши пальцы.

– Я сегодня с Олесей договорилась, мы давно не болтали…

– Надолго?

– Не знаю.

– Давай я тебя заберу, как закончите со сплетнями.

Цокаю языком и легонько ударяю его в плечо.

– Я еще подумаю.

– Подумай-подумай, – Андрей улыбается и заводит машину.

Глава 9

– …ну вот, как-то так и вышло. Алё, – Леська проводит рукой перед моим лицом, – лиса, ты меня вообще слушаешь?

– А? Что? Слушаю, конечно.

– Ну-ну. Сто процентов о Панкратове своем думаешь.

– Немножко, – признаюсь, издавая тяжелый вздох. – Просто он мне так ничего и не ответил, ну, по поводу…

– Ты ему рассказала? Блин, я же просила молчать, – Леся надувает губы и наливает себе еще колы.

К счастью, сегодня у нас полностью безалкогольный вечер.

– Прости. Я сказала, что все у тебя выпытала, с рукоприкладством.

– Ну после выдранного у Ирки клока волос он точно поверит.

– Олеся! – смеюсь, рассматривая шипящие пузырьки в своем бокале.

– Да ладно, не рассказал, значит, все нормально. У него адекватный отец, в отличие от моего отчима, – подружка стреляет глазами в дверной проем, будто за ней действительно притаился ее отчим.

– Может, ты и права. Что там с пиццей?

– Твоя любимая, сырная. Так, мы собирались начать смотреть сезон.

– Включай.

Откидываюсь на подушки, собранные горочкой у изголовья кровати, наблюдая за сменяющимися заставками к сериалу. Голос за кадром рассказывает предысторию города, в котором, собственно, и будет развиваться основной сюжет истории, а я никак не могу выбросить из головы мысли об Андрее. Лучше бы действительно сегодня сразу поехала к нему. Это стало какой-то зависимостью – постоянно быть рядом.

Но и с Лесей мы тоже давно вот так не собирались. Дружба важна. В конце концов, у меня нет никого ближе Бережной. Она замечательная.

На телефон падает сообщение.

Подношу телефон к лицу, и экран мгновенно разблокируется по face ID.

«Если что, я в доме черед дорогу. Как закончите, сразу звони».

«Хорошо», – пишу в ответ и прячу телефон под подушку.

– Ты чего?

Леся замечает метания моих рук по кровати и, сложив ноги в позу лотоса, усаживается напротив, перегородив своей макушкой край экрана.

– Смотрю, – пожимаю плечами.

– М-м-м, слушай, а можешь мне помочь?

– Конечно, что за вопросы?

– Ты сначала дослушай, – Леська закатывает глаза, нервно

теребя мягкое покрывало.

– Излагай.

– В общем, Ярик едет в Москву в эту пятницу, и мне нужно, чтобы ты меня прикрыла. Никто не должен знать, что я с ним. Особенно Витася, он же сразу сдаст меня отчиму, а тот запрет дома, устроит скандал, я все это уже проходила. А я так хочу поехать хотя бы на выходные.

– Хорошо. А что нужно сделать?

– Я скажу, что мы с тобой собрались в *** (город – областной центр). В общем, нам реально придется туда поехать, а там меня заберет Ярик. Он уедет за день до нас, и мы стартанем в Москву.

– Поняла.

– Но тебе нужно пробыть там все выходные. Вернуться мы должны будем вместе. Никто ничего не должен заподозрить.

– Что вообще за шпионские страсти?

– Я же говорила, что у наших родителей конфликт, сильный. Ну и…

– Понятно все. Андрею же могу сказать?

Леся прикусывает нижнюю губу и кивает.

– Андрею можешь.

– Конспираторша.

На телефон снова падает сообщение, и я сразу же кошусь на подсвечивающийся край экрана, торчащий из-под подушки.

– Так, все, девчачьих посиделок сегодня не выйдет, Пан-

кратов там, видимо, совсем заскучал. Звони, пусть приезжает и забирает тебя домой.

– Какая ты добренькая.

– Я расчетливая, – Леська смеется и лезет с обнимашками. – Я так рада, что ты у меня есть, Еся. Ты просто не представляешь.

Олеся всхлипывает, и на меня мгновенно перебрасывается ее слезливое настроение. Мы сидим в обнимку и рыдаем. Просто потому, что можем, других объяснений я не нахожу.

Когда оказываюсь на улице, взмахиваю рукой высунувшейся в окне подружке и сажусь в машину Андрея.

У меня все еще красный нос и чуть припухшие веки. Накидываю ремень и поправляю край юбки, торчащий из-под незастегнутого пальто.

– Ты плакала?

Андрей поддевает мой подбородок пальцами, и я утвердительно взмахиваю ресницами.

– Расчувствовались.

Тянусь к защелке и быстро освобождаю себя от ремня, зря только пристегивалась.

– Обними меня, – шепчу, прижимаясь щекой к мужской груди.

То, что Андрею не нужно повторять дважды – факт.

Его крепкие объятия выбивают остатки почвы под моими ногами. Хочется разрыдаться, но вместе с тем сказать, как сильно я его люблю. Возможно, это покажется бредом, чем-

то слишком надуманным, ведь прошло не так много времени, а любовь – штука сложная… Но я действительно испытываю к нему то, чего никогда не чувствовала по отношению к другим.

– Есь, все нормально?

Часто киваю, прилипая щекой к его шее.

– Поехали, – нехотя отстраняюсь.

Андрей перехватывает мою руку и переплетает наши пальцы. До его квартиры мы доезжаем в полном молчании, держась за руки.

Щурюсь от яркого света в прихожей и стягиваю с плеч пальто. Оно кажется невероятно тяжелым. Вешаю его на плечики и убираю в шкаф. Пока я разуваюсь и копошусь в сумке, Андрей стоит у двери и наблюдает за моими движениями.

– У нас точно все нормально? Если ты из-за Ирки, то…

– Нет, она тут ни при чем. Просто это так странно, – прижимаюсь спиной к черной матовой стенке, – я и ты.

– Что ты опять вбила себе в голову?

Панкратов наконец снимает куртку и подталкивает меня в зону гостиной.

Упираюсь ладонями в спинку дивана и отрицательно верчу головой.

– Ничего. Я просто тебя люблю.

Андрей шумно выдыхает, останавливаясь за моей спиной. Его руки ложатся на мою талию. Горячее дыхание опаляет затылок. Я уже на уровне инстинктов стягиваю с волос ре-

зинку и откидываюсь ему на грудь.

За окном завывает ветер, его слышно даже через плотный стеклопакет. А в его объятиях так тепло…

– Кофе будешь?

– Я бы что-нибудь поела.

– Сейчас закажу.

Андрей достает телефон, быстро что-то выбирает в приложении и бросает его на диван.

– Почему ты с ней расстался?

Этот вопрос сам слетает с губ. Не то чтобы это сильно меня интересует, но Леськины слова про измену – они все же застряли в голове.

– Все банально, она переспала с моим другом. Как потом выяснилось.

– Что? Зачем?

– Ты это у меня спрашиваешь?

Андрей смеется и, коснувшись пальцами моей шеи, идет к кухонному островку.

– Ты так спокойно об этом говоришь…

– Потому что мне без разницы. Я ничего не чувствую по этому поводу. В то время я и сам уже хотел с ней расстаться, она облегчила мне задачу.

– Это ужасно.

Андрей пожимает плечами, мол, возможно, а в дверь звонят. Я вздрагиваю и поворачиваю голову в сторону прихожей.

– Наверное, курьер.

Пока Андрей идет открывать, я стараюсь собраться с мыслями и хоть немного осознать то, что он мне сейчас сказал.

– Можно еще вопрос? – смотрю на бумажные контейнеры с ресторанной едой.

– Давай.

– А как так получилось, ну…

– В клубе. Один под кайфом, другая пьяная в стельку. Потом она на полном серьезе пыталась мне доказать, что перепила и просто нас перепутала.

Говоря это, он как ни в чем не бывало наматывает на вилку спагетти. Я сглатываю и усаживаюсь напротив.

– Ты ее любил?

– Да.

От его прямолинейного ответа мне становится не по себе. Честно говоря, в глубине души я хотела услышать другое.

– Но в тот момент уже, наверное, нет. Если переложить ситуацию на настоящее время и представить, что ты… Я бы придушил и тебя, и его.

– Давай обойдемся без представлений, – вздыхаю. – Кстати, у меня к тебе предложение. Не хочешь на эти выходные…

– …прикрыть Бережную и Царева.

– Ты в курсе?

– Ярик утром звонил. Забыл, – Андрей встает и на пару минут уходит в комнату. Я слышу какое-то шебуршание, а когда он возвращается, то в его руках лежит прямоугольная

коробка. – Это тебе.

– Спасибо, – улыбаюсь и тяну за край ленточки. – Телефон? Но у меня есть…

– Честно, я просто не знал, что тебе подарить. А тут вроде как новая модель вышла, и…

– Спасибо, – кладу коробку на стол и обогнув его, замираю рядом с Андреем. — Но на будущее, мне, как бы ничего не надо, — кладу ладони на твердые плечи.

— На будущее, — Андрей копирует мою интонацию, — я как бы сам разберусь, — его губы припечатывают мои в легком поцелуе, а глаза при этом посмеиваются.

Глава 10

– Это правда, что ты с Панкратовым встречаешься?

Вика только забежала в наш кабинет, хотя, наверное, «кабинет» для нашей каморки не самое подходящее название.

– Да, – киваю и снова пялюсь в экран ноутбука. Вторую неделю я перевожу всю имеющуюся в типографии документацию в электронный вид. На дворе двадцать первый век, а они только спохватились.

– И ты все это время молчала?

Викины глаза загораются, и она подсаживается напротив, нагло закрывая крышку моего ноутбука.

– Да рассказывать особо нечего, – собираю волосы на затылке в тугой хвост, приглаживая пальцами торчащий на висках пушок.

– Конечно - кончено. — Вика посмеивается, облизывая пухлые губы. — А у него друзья есть свободные? Может быть, сходим куда-нибудь и ты меня познакомишь? Я пару раз была в их компании, некоторых знаю, – моя коллега довольно улыбается, бросая взгляд на мой потрепанный жизнью, а точнее нервами, маникюр. За дни, проведенные в отеле за городом, я отковыряла почти все покрытие.

– Вик, мне работать нужно.

– Да подождет твоя работа. Завтра суббота, отдохнешь. Кстати, давай на выходных как раз в клуб и сгоняем? А то

столько вместе работаем и ни разу никуда не выбирались.

Вика, между прочим, за все время моей работы в типографии только пару раз перекинулась со мной несколькими фразами. В остальном мы ограничивались банальным «привет, как дела?».

– На этих выходных меня не будет в городе.

– Жаль. Тогда, может быть, на неделе пересечемся, поужинаем, поболтаем? Я же совсем ничего о тебе не знаю. Ты как?

– Посмотрим, – неопределенно пожимаю плечами и наконец-то возвращаюсь к работе, потому что мою новую «подружку» отвлекает телефонный звонок.

Доделываю последний документ и, запихав ноутбук в шопер, спешу на остановку. Продолжать эту «милую» беседу я не намерена, поэтому сбежать по-тихому будет самым лучшим вариантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.